

ПАВЕЛ МАНЫЛОВ

«Девяностые принято демонизировать, но это был ренессанс. Взрыв сверхновой! Всё плохое и всё хорошее сплетали во времени диковинный узор событий и персонажей. И автору с блеском удалось передать это в своей книге».

ИВАН ОХЛОБЫСТИН

ША

роман

ША

ВСЕ
ЛЕГКО И СРАЗУ...
НЕ БЫВАЕТ

Павел Владимирович Манылов

Папа

Серия «Городская проза»

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=64850032

Папа: SelfPub; Москва; 2023

ISBN 978-5-17-152466-1

Аннотация

Молодой герой этой книги вырос в провинциальном городе в семье врачей, но не может и не хочет вести такую жизнь, как они. Костя с иронией наблюдает, как его отец, всеми уважаемый кардиолог «скорой помощи», спасает человеческие жизни, а потом заглушает стресс алкоголем. Отец работает за копейки. Самонадеянный пятикурсник Костя хочет иначе: чтобы все легко и сразу. Он любит деньги, и у него к ним талант. Однако, ввязавшись в сомнительную историю, Костя не представляет, через какие соблазны и риски ему придется пройти в его стартовом бизнесе. И, если бы не отец, неизвестно, чем бы все закончилось...

Динамичный роман по-новому решает вечную тему «отцов и детей» и отличается быстрым развитием сюжета, цепкостью авторского взгляда и кинематографическими эффектами.

«Давно не встречал такого честного, такого цепкого писательского взгляда, без лишних красивостей и сантиментов.

Эмоциональная правда о времени. Неудивительно, что девяностые в тренде. Туда уходят корни многих судеб».

Алексей КУЧЕРСКИЙ, «Литературная газета»

«Девяностые принято демонизировать, но это был ренессанс. Взрыв сверхновой! Всё плохое и всё хорошее сплетали во времени диковинный узор событий и персонажей. И автору с блеском удалось передать это в своей книге».

Иван ОХЛОБЫСТИН

Содержание

Часть 1. Костя	6
Глава 1.1	6
Глава 1.2	16
Глава 1.3	26
Глава 1.4	33
Часть 2. Папа	53
Глава 2.1	53
Часть 3. Костя	83
Глава 3.1	83
Глава 3.2	98
Глава 3.3	111
Глава 3.4	117
Конец ознакомительного фрагмента.	130

Павел Владимирович Манылов Папа

© Текст. Павел Манылов, 2023

© Оформление. ООО «Издательство АСТ», 2023

Часть 1. Костя

Глава 1.1

Костя любил этот огромный полированный стол и подолгу мог сидеть за ним или ходить вокруг, обдумывая «стратегии». Так он называл кружение над главными моментами в своей жизни. Однажды родители-врачи, заметив, как он кружит у стола по несколько часов, отвели его к психиатру. Испугались, что у сына проблемы с психикой. Но у Кости проблем не было, он просто ходил и думал, по пути лопая печенье из вазочки на столе. Думал обо всём, что ему казалось жизненно важным и решало его судьбу.

Став старше, он чаще сидел за этим столом, заваленным какими-то бумагами, книгами, разными ненужными мелочами. Несколько раз в год, когда к родителям приходили гости, стол расчищался, раздвигался, покрывался белой скатертью и сервировался для очередного праздника.

Сейчас Костя сидел за столом и, запрокинув голову, напряжённо всматривался в красный многогранник люстры. Было утро, но шторы закрывали окна, и комната освещалась единственной лампочкой. Свет был тусклым, Костю это раздражало и не давало сосредоточиться над текстом в развёрнутой газете, занимавшей почти половину стола. Напротив,

с точно такой же газетой, сидел его друг Иван. Он хаотично перелистывал страницы и прихлёбывал чай из стоявшей рядом большой белой кружки.

– По-моему, мы занимаемся какой-то ерундой. – Иван пролистал «Из рук в руки» до конца и сложил газету.

– Это не ерунда. Это газета, с помощью которой миллион людей хотят что-то купить, а другой миллион – продать. Я не думаю, что много нашлось тех, кто встал в шесть утра, купил свежую газету и сидит над ней, как мы. – Костя опять посмотрел на люстру. – Сейчас только сделаю нормальный свет, и начнём сверять. Ты смотри тех, кто продаёт, а я буду тех, кто покупает.

– Ладно, как скажешь. – Ваня нашёл в газете свой раздел и, взяв карандаш, начал штудировать объявления.

Костя поднял голову и заворожённо смотрел на кусок стекла, рассеивающий слабый свет от сорокаваттной лампочки. Снаружи на люстре не было пыли. Убираясь в комнате, Костя доставал шваброй до люстры и кое-как её протирал. Но внутри всё было покрыто пылью вперемешку с засохшими насекомыми. Свет, потеряв всякую надежду вырваться наружу, радовал лишь очередную муху, попавшую в эту ловушку.

– Доброе утро, мальчики.

Костя отвлёкся и оглянулся. Мама, уже в пальто, стояла в дверях, держа в руках большой шерстяной платок и белую вязаную шапку.

– Привет, мам. – Он подошёл и поцеловал её в щёку. – Дай мне тряпку, хочу люстру протереть.

– Надо же, не прошло и года... Возьми сам в ванной. Кстати, вы учиться сегодня собираетесь?

– Конечно, Наталья Борисовна, нам сегодня к третьей паре. А сейчас у нас тут небольшой бизнес. – Иван приподнял газету, показывая, чем они занимаются.

– Понятно... – Наталья Борисовна скептически улыбнулась и удалилась.

Костя вышел за мамой в прихожую.

– Сынок, на плите макароны по-флотски. Только отцу оставьте. Он с суток придёт, пусть поест.

– Хорошо, мам. – Костя закрыл за мамой дверь и вернулся в комнату.

Он поставил табурет на стол, забрался на него и, чуть покачиваясь на шаткой конструкции, принялся вычищать люстру.

– Блин, забыл лампочку. Вань, будь другом, сходи в кладовку, там на подоконнике лежат. Возьми одну.

Иван принёс лампочку, Костя благополучно ввернул её в патрон.

– Проверь!

Ваня щёлкнул выключателем:

– Да будет свет!

– Так-то лучше. – Костя спрыгнул на пол. – Теперь можно нормально работать.

Друзья принялись за дело.

С карандашами в зубах, сосредоточенно вглядываясь в мелкий шрифт, они водили пальцами по тонким, пахнущим типографской краской страницам и искали свой шанс.

– Автомобили можешь не смотреть. Там свои «перекупы», – Костя изредка давал советы, не поднимая головы.

– Ну да, у нас всё равно нет денег выкупить даже самый дешёвый.

– Двухкассетник бэушный продают, – бормотал Ваня.

– Хотят купить аккордеон. Посмотри, продаёт кто-нибудь? – просил Костя.

– Во, пенсионер продаёт свою библиотеку. Давай разом купим и будем по одной книге тихонько продавать?

Иногда складывалась пара товаров, и они брались за телефон. Иван звонил продавцам, а Костя покупателям, договаривались о цене. Разница между ценами была ничтожной или вовсе отрицательной, поэтому напарники продолжали упорно искать следующие варианты.

Спустя полтора часа Костя, уже начавший отчаиваться, обвёл карандашом очередное объявление и с надеждой поднял взгляд на Ивана.

– У меня здесь фикус хотят купить. Высокий. Полтора-два метра, пишут. Глянь, продаёт у тебя кто-нибудь?

Иван торопливо пролистал страницы до нужного раздела и через несколько секунд воскликнул:

– Есть фикус – один и шесть метра. Цена три тысячи. Торг.

– Отлично. Я сейчас позвоню покупашке, попробую договориться тысячи на четыре. А ты потом звони своему и скинь хотя бы до двух пятисот.

Костя взял трубку радиотелефона, подошёл к окну и, отодвинув шторы, забрался на широкий подоконник. Он размышлял около минуты, а затем, решительно нажав на трубке зелёную кнопку, набрал номер.

Почти сразу из трубки послышался монотонный женский голос.

– Какой-то банк, – с удивлением доложил Костя, прикрыв трубку ладонью. Через несколько секунд автоответчик замолчал, Косте ответили.

– Добрый день, – обрадовался он, – я по объявлению. Вам нужен фикус. Я как раз его продаю.

В банке сначала усомнились в такой странной потребности, попросили подождать, и через несколько секунд уже другой человек подтвердил намерение.

– Здравствуйте. Вам нужен фикус? Моя бабушка продаёт, а я ей помогаю. Она надолго легла в больницу, и нам нужны деньги, да и ухаживать за цветами некому. Маленькие горшки мы принесли ей в палату, а фикус приходится продавать.

Человек спросил, высокий ли фикус.

– Да, высокий. Один и шесть метра, – с готовностью тараторил Костя. – Родители, честно говоря, не хотят продавать. Бабушка очень любит этот фикус, но лечение стоит дорого. Нам хотя бы пять тысяч за него получить. Лекарства сейчас

очень дорогие.

Банкира заинтересовало состояние фикуса.

– Конечно, в идеальном состоянии, – не моргнув глазом выпалил Костя. – Бабушка даже кошку не заводила, чтобы та нечаянно не повредила фикус. Он ей достался двенадцать лет назад ещё от... – он не успел закончить. В банке устали слушать причитания о бабушке, перебили, подтвердили готовность заплатить пять тысяч рублей и продиктовали адрес. Костя, зажав трубку между плечом и подбородком, жестом срочно попросил у Вани ручку и листок бумаги.

– Ой, а как же я вам его повезу? Он же огромный... Добавьте мне ещё пятьсот рублей на такси. Знаете, я ещё раз спрошу у родителей, вдруг они передумали. – Костя замер, наступил самый тревожный момент сделки. – Хорошо, я вам перезвоню через десять минут.

Костя нажал отбой, спрыгнул с подоконника и с довольной улыбкой, вскинув руки вверх, станцевал ламбаду.

– Учись, студент, – он хохотнул и передал трубку другу, – как минимум два косяря мы заработали.

Иван нехотя взял трубку, понимая, что теперь торговаться предстоит ему.

– Слушай, а как мы его повезём? В обычное такси фикус не влезет. Да и пятисот рублей, которые ты попросил, нам не хватит.

– Само собой, не хватит. Но если бы я попросил тысячу или полторы, то они могли бы соскочить. А так они ещё до-

вольны, что я не знаю цен.

– Ясно. Тогда у нас не две тысячи, а меньше, – подсчитал Иван.

– Нет, на такси мы не поедём. – Костя выгреб все деньги из карманов, затем подошёл к стеллажу с книгами и, достав здоровенный фолиант, открыл свой тайник. В заглавнике осталось только две тысячи.

– У тебя сколько денег есть? – спросил он у Ивана.

Тот достал из кармана рубашки пятисотрублёвую купюру и смущённо пожал плечами.

Костя сосредоточенно потёр лоб.

– Ладно, сейчас папа придёт с работы. Попросим его отвезти на «четвёрке». Если не до конца закрывать багажник, то фикус должен влезть. Но ты всё равно торгуйся. Может, нам и так хватит.

Костя сел за стол на своё место и стал ждать окончания переговоров. Ивану не удалось сбить цену, но две тысячи семьсот пятьдесят друзья наскребли. Понимая, что дело в шляпе, они сели за партию в шахматы.

Через некоторое время на лестничной площадке послышался шум. Как будто в дверь скреблась кошка. Костя уже знал этот звук и нахмурился.

– Что? – Иван удивился.

– Да ничего, накрылась наша «четвёрка».

Шорох у двери усилился, сопровождаясь металлическим лязгом. Наконец ключ попал в замочную скважину, и дверь

открылась.

Отец, запнувшись о порог, ввалился в квартиру.

Костя уже не раз видел эту картину, но каждый раз она приводила его в бешенство.

Отец еле стоял на ногах, пытаясь что-то объяснить самому себе заплетающимся языком. Один ботинок ему удалось снять сразу, поддев его носком другого. Второй упорно не давался. Отец, видимо, понимал: если он нагнётся развязать шнурки – упадёт. Поэтому, держась за стоявший в коридоре холодильник, пытался снять второй ботинок стоя.

Потёртая коричневая кожаная куртка, надетая поверх белоснежного халата, была чем-то вымазана. Справившись с ботинком, отец снял её, бросил на пол и, покачиваясь, как матрос на палубе во время шторма, проследовал в ванную.

Костя, чертыхаясь, пошёл на кухню: «Хорошо, что мама уже ушла».

Отец наконец закончил водные процедуры и с довольной улыбкой выплыл из ванной.

– Привет, сынок! – Не глядя на Костю, он устремился к плите и, гремя крышками от сковородок, стал разыскивать завтрак.

– А что, нельзя хоть иногда приходить с работы трезвым? – Вопрос не имел никакого смысла, и Костя это прекрасно понимал, но не смог промолчать – его душило раздражение.

– Что значит – хоть иногда? – отец оторвался от поисков

съестного и с возмущением приготовился отстаивать свою честь. – Я, на минуточку, врач! – Он поднял вверх указательный палец. – Я сутки людей спасал, а теперь у меня заслуженный отдых.

– Врач врачу рознь. И какая связь между водкой и спасением людей? – Костя начал заводиться.

Отец, с грохотом опустив крышку сковородки, сел на табурет и приготовился к отражению новой атаки.

– Ох, ох! Ты что тут раскомандовался? Я вот сейчас позавтракаю и пойду спать. А вечером мы с тобой поговорим.

– Иди спи. Раз в жизни хотел тебя попросить отвезти меня. По делу. Но ты, естественно, опять пришёл на рогах. – Костя в сердцах махнул рукой.

Отец не нашёлся что ответить, засопел обиженно и вновь отвернулся к плите.

Костя вышел, с грохотом хлопнув дверью. Надо было готовиться к сделке.

– Ну что, каков план? – спросил Иван.

– Позвони в банк, подтверди им, что... хотя нет, давай я сам. – Костя взял из его рук телефонную трубку.

Оставались две сложности. Во-первых, друзья наскребли только две семьсот пятьдесят, а фикус продавали за три тысячи. Во-вторых, непонятно было, как везти его через весь город. Костю не смущали эти вопросы, он был уверен, что договорится о цене с продавцом. Ну а доставить фикус они смогут, даже если придётся пройти весь путь пешком.

Спустя три часа сделка была закрыта. Усталые, но счастливые, друзья сели на скамейку в парке неподалёку от банка и поровну поделили прибыль. Оба понимали: это был не просто случайный заработок, это была сложная сделка, которую они провернули от начала и до конца. Они отдыхали, слушали шуршание осенних листьев и молчали каждый о своём.

Костя посмотрел на часы. Ещё можно было успеть на последнюю пару. Не сговариваясь, друзья встали со скамейки и быстрым шагом поспешили к трамвайной остановке.

Глава 1.2

Большая часть занятий была уже пропущена, но прогулять целый день было для Кости непростительным поступком. Да и жаль было: жизнь студенческого городка сулила много интересного.

Дерматиновая обивка сиденья была порвана в самом неудобном месте и цепляла за брюки. Пересаживаться было некуда, а стоять сил не осталось. Костя сделал несколько глубоких вдохов и прикрыл глаза.

«Вечером наконец увижу Настю». Он невольно улыбнулся и, прислонившись головой к пыльному стеклу окна, представил сегодняшнюю встречу. «Не виделись всего три дня, а кажется, что целую вечность. У неё, наверно, уже начали сходить веснушки». Костя всегда поражался тому, что по Настиному лицу можно было с абсолютной точностью определять время года. В конце мая веснушки появлялись и усеивали всё лицо, в сентябре, прощаясь с летом, они светили ярче обычного, но после первых осенних пасмурных дней резко исчезали. Озорные лучики разглаживались, таяли в бархате нежной кожи.

Костя убрал щёку от окна и ухмыльнулся смешной рожице, получившейся от прикосновения к пыльному стеклу, нарисовал ей пальцем улыбку.

– Остановка «Университет», следующая остановка «Неф-

темаш», – знакомый голос проговорил заученную фразу, и Костя, схватив свой пакет с тетрадями, выскочил на заполненную студентами остановку.

Время до начала пары ещё оставалось. Костя, неторопливо оглядевшись в поисках знакомых, неспешно пошёл в сторону своего корпуса.

Студенческий городок был одним из самых чистых и зелёных районов в городе, поэтому народ не торопился уезжать после учёбы, а рассаживался на скамейках или ступеньках учебных корпусов и неспешно проводил время за интересным разговором под сигарету и бутылку пива.

– Костян! – С одной из скамеек привстал парень с его потока. Костя, увидев поднятую в приветствии руку, подошёл к знакомой компании.

– Здоров! – Он громкими хлопками рукопожатий поприветствовал всех сидящих, попутно глотнув «Балтику» из протянутой кем-то бутылки.

– Сегодня отборочные. Ты ставишь что-нибудь? – Знакомый развернул свёрнутый в трубочку «Советский спорт» и, прищулив один глаз от дыма сигареты, вопросительно посмотрел на Костю.

– Чёрт, Вов, забыл совсем. Кто играет?

– Пары интересные, я вот думаю на Германию ввалить. Цифры маленькие, конечно, но зато верняк. Играют с Турцией.

– И какой коэффициент на немцев?

– Ноль один на победу и ноль ноль пять на непроигрыш.

– Верняк-то верняк, но выигрыш копейки. С десяти тысяч навар косарь, если победят.

– Так-то оно так, но мы хотим крупно поставить. Впишешься? Если поставить сотку, то Игорёк обещал чуть увеличить цифру. – Вова окинул взглядом сидевших на скамейке и получил от каждого утвердительный кивок.

– Нам ещё пятёрки не хватает. Давай вписывайся. Игорьку скажи, что ты в моей группе, он твою ставку засчитает как нашу общую. Наберём сотку, и будет ноль пятнадцать.

– Ладно, я понял. Подумаю. – Костя ещё раз хлопнул каждого по руке и поспешил к своему корпусу.

– Кость, игра в шестнадцать начнётся!

Он, не оглядываясь, поднял руку вверх, показывая, что услышал.

Костя любил это время года. Время лёгкой грусти и мобилизации сил. Бабье лето заканчивалось, но пока приближение осени выдавала лишь постепенная смена напитков у студентов. «Балтика-3» менялась на «Портер» или «Девятку», а кое-где появлялось и крепкое.

Костя вдруг остановился, посмотрел на часы и резко сменил маршрут. Он уверенно прошёл по протоптанной среди газона тропинке, завернул за угол жилого дома и поспешил к окну на первом этаже, вокруг которого собралась небольшая толпа.

Окно было открыто. «Новенькая», – подумал Костя, уви-

дев в окне молоденькую девушку, принимающую ставки.

Игорёк – хозяин букмекерской конторы – стоял в гуще толпы и активно жестикулировал, показывая на прикрепленные к окну листы бумаги с коэффициентами.

Его самого не было видно, но сквозь толпу проглядывалась его неизменная жёлтая бейсболка с логотипом «Манчестер Юнайтед» и доносился звонкий голос, который ни с чьим другим нельзя было спутать.

Ему было уже под пятьдесят, но все его звали Игорьком за маленький рост и детскую эмоциональность.

Костя подошёл ближе к таблицам и стал штудировать цифры спортивных событий сегодняшнего дня.

Он нашёл матч Германия – Турция. На Германию стояло «0,1, ничья 3,0, победа Турции 7,5».

«Цифра на немцев маленькая, но шансов у турок нет. Во-ве не хватает пятёрки. У меня всех денег четыре тысячи». Костя опаздывал на последнюю пару, но спешить в таком деле не хотел. Мгновение подумав, он решительно направился в толпу, надеясь договориться с Игорьком, что девяноста девяти тысяч хватит для увеличения коэффициента.

Маленький спортивный босс с кем-то горячо спорил, объясняя, что в долг он больше не даст и, если не будет возвращён сегодня старый долг, он включает счётчик.

Костя не стал отвлекать Игорька от разборок и протиснулся к кассе.

Брюнетка с длинными волосами выписала очередную

квитанцию и обратилась к Косте:

– Что будете ставить?

«Первокурсница», – подумал Костя и улыбнулся:

– Отборочные. Матч Германия – Турция. У нас там свои коэффициенты. Запиши ставку на имя Вовы Обручева.

– Хорошо. Какая ставка? – девушка улыбнулась и взяла чистый бланк квитанции.

– Победа Германии. Четыре тысячи.

– На Турцию не хотите? Семь с половиной к одному.

– Тебя как зовут, предсказательница? – Костя вдруг отвлёкся и забыл, зачем он здесь. Чёрные волосы и карие глаза делали своё дело, напуская туман в Костину голову.

– Айна.

– А меня Костя. Буду теперь ставить каждый день, – он, водрузив локти на подоконник, положил подбородок на руку и, как щенок овчарки, посмотрел на девушку.

– Приходите. Я буду ждать.

Сзади уже начала кричать возмущённая очередь. Костя, очнувшись, вернулся к ставкам.

Он достал все деньги, которые у него были, и выложил на подоконник:

– Все. На Турцию.

Он взял квитанцию у своей новой знакомой и побежал на лекцию.

Учащённый от быстрой ходьбы пульс продолжал набирать скорость, его разгонял риск ставки, шансы которой были

равны нулю.

Но это сочетание огромного риска и возможного семи-кратного выигрыша победило надёжный «верняк».

Лекция была скучная – «Мировая экономика». Косте же всегда нравились более прикладные предметы. Если он видел в получаемых знаниях практическое применение, то скрупулёзно разбирался в каждой мелочи. Но фундаментальная теория вызывала у него зевоту.

Даже в высшей математике он интересовался лишь одним разделом: теорией вероятности.

Костя всё же слушал преподавателя вполуха, но постоянно поглядывал на часы, ожидая начала матча.

Рядом сидели однокурсники, у них был радиоприёмник. Все ждали футбол.

Наконец время подошло. Костя взял доставшийся ему один наушник и ближе подсел к кучке студентов, слушающих матч.

«Ну, давайте, парни. Я в вас верю. Разбейте немчуру!» – Костя сжал кулаки и, монотонно постукивая ими по парте, представил себя на стадионе.

Первый тайм пролетел незаметно. Германия прессинговала и постоянно атаковала. Костя был уверен, что половина его головы уже седая. Но счёт был по-прежнему ноль ноль, с этим счётом футболисты ушли на перерыв.

– Немцы должны дожать. Тем более на своём поле.

– Вот статистика: шестьдесят пять процентов владение

мячом Германией.

– Турки – вообще, это кто такие?

Вокруг слышались реплики явно в пользу Германии. Парни вселяли друг в друга надежду, что Германия не может не победить.

«Видимо, Вова уговорил тут многих», – Костя усмехнулся про себя, но не подавал виду, что болеет за Турцию. Лишь изредка бледнел, когда Вася Уткин комментировал выход немецкого нападающего один на один с турецким вратарём.

Тем временем лекция закончилась. Преподаватель поправила сбившийся пучок седых волос, собрала свои тетради, сложила очки в потрёпанный футляр и направилась к выходу. В это время в аудиторию зашёл декан факультета с каким-то важным мужиком.

– Коллеги, я прошу не расходиться. У меня для вас интересный гость. – Было видно, что они хорошо знакомы, но вместе смотрелись очень комично. Невысокий декан, одетый в аккуратную старомодную серую тройку и несуразные заплётённые полуботинки, зачёсывал вперёд редкие волосы, скрывая лысину. А мужик был выше на полторы головы, и его белоснежная шевелюра была похожа на песцовую шапку. Под мышкой он держал внушительных размеров чёрный ноутбук.

– Алексей Алексеич, давай я сам представлюсь. – Мужик приобнял за плечи декана, смутив его такой фамильярностью и показав, кто здесь настоящий хозяин.

Мужик представился Борисом Викторовичем. Он оказался коммерческим директором крупной дистрибьюторской компании. Когда-то он окончил этот факультет и сейчас был приглашён профессором для рассказа об успехах своей компании.

До начала второго тайма оставалось пять минут, Костя слушал рассказ Бориса Викторовича о том, как «космические корабли бороздят просторы Вселенной».

Тайм начался. Немцы понеслись вперёд, прижав турок к своей штрафной зоне. Те яростно оборонялись, но на табло так и оставались нули.

Начали нервничать все. Ничья не устраивала никого. Шла семидесятая минута, а счёт не был открыт.

Реплики с задних парт звучали всё громче и категоричнее, и декан начал зло поглядывать на студентов.

Борис Викторович был менее терпелив, поэтому он остановил свою проникновенную речь и, достав из внутреннего кармана массивный паркер, постучал по столу.

– Я вижу, у вас тут с дисциплиной всё плохо. Алексей Алексеич человек добрый, а я – совсем нет. И то, о чём я здесь говорю, нужно вам, а не мне. Поэтому советую слушать внимательно.

После слов строгого директора аудитория немного успокоилась и сделала вид, что слушает.

– Вы уже практически готовые специалисты. Через полгода экзамены, выпускной и новая интересная жизнь. – Борис

Викторович глотнул воды из пластиковой бутылки и, взяв мел, подошёл к доске. – На дворе две тысячи второй год. Новое время и новый подход к кадрам. Никакой уравниловки. Каждый может стать лучшим и заработать больше, чем все остальные, вместе взятые.

Директор нарисовал на доске большой круг и начал делить его на части, изображая пирог:

– Вы зарабатываете столько, сколько продаёте. – Директор подписывал каждую часть пирога, продолжая комментировать: – У вас есть оклад, который составляет примерно тридцать процентов от вашего заработка. Остальное – это процент от ваших продаж. В удачные месяцы лучшие наши торговые представители зарабатывают больше директоров.

Костя начал прислушиваться. Очень убедительно и увлечённо рассказывал Борис Викторович о своей компании и новых каналах сбыта. Костя поднял руку и после утвердительного кивка задал вопрос:

– Как вы делите территории между торговыми представителями? Ведь кому-то может достаться изначально более выгодное место.

– Очень хороший вопрос, молодой человек. Мы придумали целую систему... – Борису Викторовичу не суждено было договорить. С задних рядов, где-то слева от Кости, кто-то прокричал: «Пенальти!»

Судя по тональности реплики, пенальти должны были бить в ворота Германии.

– Молодой человек, вы меня слышите? Вы задали вопрос, я хотел бы на него ответить.

– Да, да, конечно. Я слушаю... – Костя не видел ничего и никого. Все затихли. Даже комментатор ждал, когда мяч будет установлен на точку и прозвучит свисток арбитра.

– Каждая территория имеет свой статус, продавники получают разный процент в зависимости от этого статуса. Например, если территория новая, на ней нет клиентов и наш представитель только разрабатывает её, он в этом случае получает максимальный процент от продаж. – Борис Викторович был явно доволен своим ответом и ждал следующего вопроса от Кости.

Но Костя сейчас был не в аудитории, а на Олимпийском стадионе в Берлине. Он так и продолжал стоять, но уже с поднятыми к потолку руками.

– Да-а-а-а-а! – Костя тряс кулаками, не веря, что Турция забила гол и вышла вперёд.

Через несколько секунд он пришёл в себя и заметил, что вся аудитория смотрит только на него.

Глава 1.3

Водитель был, видимо, несостоявшимся гонщиком. Он мчал, лавируя в потоке машин и отмахиваясь от непристойных жестов из подрезанных им машин.

Костю веселила его манера, не дослушав очередную песню, переключать радиостанции. После очередной попытки водитель наконец поймал радио «Шансон», и хриплый голос Жарова затянул «Ушаночку»:

Бегут, стучат...
Бегут колёсики гуськом.
Спешат, хотя
Пугнуть мальчишечку
Сибирским холодком.

Песня хоть и совсем не праздничная, но весёлая, как раз под стать Костиному настроению. Он до сих пор не мог поверить, что турки выдержали и сделали невозможное. «Моя первая поездка за границу будет в Турцию. Приеду на главный стадион в Стамбуле и поклонюсь футболистам», – думал Костя взволнованно.

Его будоражил даже не баснословный выигрыш, а риск, на который он пошёл и который вознаградил его тридцаткой. Аккуратно сложенная, она лежала в кармане и звала на поиски следующих приключений.

Но приключений сегодня случилось достаточно. И пожалуй, главное событие не счастливый выигрыш, а надежда на новую работу и новый этап в жизни.

Костя засмеялся. Не обращая внимания на обернувшегося водителя, он продолжал хохотать.

Он вдруг вспомнил лицо Бориса Викторовича – директора компании «Орбита», который побагровел от злости, когда Костя закричал после забитого Турцией гола.

– Послушай, мальчик. Если бы я был твоим преподавателем, я бы выпроводил тебя за дверь. Но поскольку это не лекция, сядь и тихо сиди. И не мешай ни мне, ни своим товарищам. Иначе мы поговорим по-другому.

Костю несколько смутили его слова, но радость от забитого гола перевесила все остальные эмоции.

Турция невероятным образом дотянула до конца матча и выиграла. Случилось чудо. И дело было даже не в том, что турки выиграли, а в том, что Костя на них поставил все свои деньги.

Выступление директора подходило к концу. Костя уже сторал от нетерпения свалить из университета и побежать к Игорьку за выигрышем. Ему было неудобно перед товарищами. Он подвёл их противоположной ставкой, но предательством Костя это не считал. «Бизнес есть бизнес. Ничего личного».

– Напоследок хочу показать вам платёжную ведомость. Это заработная плата наших торговых представителей за

прошлый месяц. – Борис Викторович подключил свой ноутбук к проектору и вывел на висевший экран таблицу.

Костя всматривался в экран, где в таблице, напротив фамилий, были указаны названия территорий, товарообороты, процент с продаж и конечная сумма выплат «на руки».

Размеры заработков его поразили. И даже не то, что двое последних в списке, которые зарабатывали меньше других сотрудников, получали в два раза больше, чем его родители, – а то, сколько получали несколько первых, чьи фамилии были выделены жёлтым цветом. До сих пор Костя представлял, что такие деньги зарабатывают лишь боссы крупных компаний, владельцы бизнеса и бандиты.

– Как вы видите, тройка лучших заработала больше, чем все остальные, вместе взятые. У каждого есть шанс стать обеспеченным человеком. Но те, кто находится три месяца подряд внизу таблицы, увольняются. Нам нужны только лучшие, поэтому я сегодня здесь.

Весь курс притих. Директор явно произвёл впечатление.

– Я надеюсь, вам было интересно. Желаю успешно окончить пятый курс, сдать экзамены и получить диплом. А мы будем ждать вас и с радостью примем в свои ряды. – Борис Викторович закончил свою речь, отключил ноутбук и, ещё раз попрощавшись, быстрым шагом покинул аудиторию.

Костя сидел неподвижно около минуты. Он вдруг вспомнил, как, стоя у кассы букмекерской конторы, в одну секунду принял решение и сделал ставку. Он схватил пакет, сгрёб

туда тетради и выбежал из зала.

Директора он нагнал уже на парковке. Тот садился в свой «сааб». Опустил стекло и долго регулировал сиденье.

– Борис Викторович, – Костя подошёл к автомобилю и чуть нагнувшись к водительскому окну, – прошу прощения, что вёл себя нагло. Я прошу у вас три минуты времени.

– Три минуты? – Директор опустил до конца стекло и высунул голову. – У тебя было почти сорок минут, а ты их провафлил. Купи бутылку пива и иди опять слушать футбол. Мои три минуты стоят твоей недели. – Директор опять откинулся в кресло и нажал кнопку. Стекло начало медленно подниматься.

– Вы... напыщенный индюк! – Костю возмутило закрытое перед его носом стекло. Рванув за ручку, он открыл водительскую дверь. – Что вы строите из себя «биг босса»? Я же извинился и признал, что вёл себя как идиот. Но я запал на ваши слова о новом времени. Мне нужна эта работа. Я готов работать столько, сколько будет нужно.

Борис Викторович побагровел и, быстрым движением выкинув руку, схватил Костю за трицепс. Боль была точечная и очень острая. Косте показалось, что его схватили огромными плоскогубцами. Он попытался вырваться, но директор сжал ещё сильнее, как бы накручивая кусок мышцы на кулак. Костя взвыл и оставил попытки вырваться. Ослабив натиск и чуть наклонив Костю к окну, директор тихо, сквозь зубы проговорил:

– Тебя в детстве мама не учила, что нельзя грубить старшим? Ты, сосунок... какая тебе работа? Во-первых, я не беру студентов. Только после окончания. А во-вторых, ты вряд ли поумнеешь за оставшиеся полгода.

Костя испугался. Он не ожидал такой реакции. Но злость и обида взяли своё. Он выставил вперёд локоть и, резко дёрнув руку на себя, вырвался.

– Мама учила меня не терять чувство собственного достоинства, даже если передо мной седой старик. – Костя развернулся и пошёл прочь.

– Постой! – Директор вылез из своего чёрного седана. – Подойди сюда.

Костя повернулся, секунду побыл в замешательстве и медленно пошёл обратно.

– Дерзкий ты. Как зовут?

– Константин.

– Сможешь мне сейчас что-нибудь продать?

– В каком смысле? – Костя всё ещё опасался директора и вопроса не понял.

– Возьми что-нибудь и попробуй продать мне. Мне нужны «сейлзы». Самые лучшие продажники, которые есть в этом городе. Поэтому я и трачу время и хожу по вузам.

Костя задумался. Он понял задание, но растерялся. Директор склонил голову и скептически вытянул губы трубочкой.

Костя вытащил из пакета дешёвую китайскую ручку и тет-

радь, открыл её и вырвал чистый лист.

– Я готов сейчас уступить вам эту ручку и листок бумаги. Я отдам вам это всё за триста рублей. По себестоимости. Но лишь потому, что я уважаю вас и искренне хочу помочь. – Директор ухмыльнулся, но слушал с интересом, и Костя продолжил: – Перед вами стоит лучший торговый представитель города, а у вас нет ни ручки, ни клочка бумаги, чтобы записать его телефонный номер. Через минуту он уйдёт, и ООО «Орбита» лишится огромной выручки, которую он мог бы вам принести.

Костя закончил и протянул на вытянутой руке ручку и бумагу. Директор чуть прищурил один глаз, достал из внутреннего кармана пиджака внушительных размеров бумажник, достал три сотни и свою визитку, протянул их Косте.

– Ручку оставь себе. Это моя визитка. Там адрес нашего офиса. Завтра в десять будут тестирования и собеседования с кандидатами на должности торговых представителей. – Он хлопнул Костю по плечу, ухмыльнулся краешком губ и, сев в «сааб», выехал с парковки.

А я ушаночку поглубже натяну.

И в своё прошлое с тоской загляну.

Слезу смахну,

Тайком тихонечко вздохну,

Тайком тихонечко вздохну.

Сказать, что Костя был на подъёме, – ничего не сказать.

Ему казалось, что сегодня случился лучший день в его жизни.

Он мчал по вечернему городу в такси. Задний карман оттопыривала пачка денег, он почти получил желаемую работу, и через час он увидит лучшую девушку на свете.

Ту-ту-ту,
Ту-ту-ту-ту-ту,
Слезу смахну,
Тайком тихонечко вздохну.

Он стал подпевать радио, водитель обернулся, сверкнул в улыбке стальной фиксой и одобрительно покачал головой.

– Шеф, а давай в «Соцгород». Там есть один магазин. Я покажу, – Косте пришла мысль о сюрпризе для Насти.

«Девятка» с шашечками на крыше со свистом развернулась на жёлтом светофоре и поехала в противоположном направлении.

Глава 1.4

Костя спешил. С Настей они договаривались на семь вечера. Водитель «девятки», заметив, что Костя часто смотрит на часы, прибавил скорости.

– Слушай, ну ты, конечно, молодец. Девчоночка твоя оценит. – Серафим – так представился водитель – убрал правую руку с руля и показал Косте большой палец. На среднем пальце виднелся синий наколотый перстень.

– Я надеюсь. Может, чуть ускоримся? Не люблю опаздывать.

– Нон проблем. Поиграем в тетрис. – Серафим достал из бардачка водительские перчатки с отрезанными пальцами и дырочками на костяшках, надел их, чуть поправил регулировки сиденья и вдавил педаль газа в пол.

К дому Насти они подъехали в 19:07. Костя рассчитался за поездку, накинув сверху чаевых, попрощался с Серафимом и вышел из машины.

Старая сталинская пятиэтажка стояла в самом центре города. На окраинах уже начали появляться новостройки, но всё же элитным жильём пока считались эти ветхие дома с четырёхметровыми потолками и огромными подъездами.

Дверь была металлическая, но Костя знал номер кодового замка. Он набрал четыре цифры, дёрнул за крючок и вошёл в подъезд.

Ему нравилось здесь недолго постоять. Консьержка его уже знала, поздоровалась, уточнив на всякий случай, что «молодой человек» к Костыльковым, и уткнулась в свой сканворд.

В гулком просторном подъезде было чисто и нормально пахло. Таких подъездов Костя больше не встречал. На подоконниках стояли горшки с цветами, рядом с ними – маленькая жёлтая детская лейка.

На третий этаж Костя всегда поднимался пешком, держась руками за гладкие, выкрашенные в бордовый цвет перила и разглядывая расписанные стены.

Дверь в квартиру Костыльковых двойная, со специальными дополнительными укреплениями. Костя так представлял себе дверь в какой-нибудь бункер или сейф, не хватало лишь огромного колеса, при помощи которого дверь могла открываться.

Костя позвонил. Снаружи звонок не был слышен. Костя ждал. С верхнего этажа спускался мужик в синем адидасовском костюме, держа на строгом ошейнике чёрного ротвейлера. Он чуть приостановился, как будто желая встретиться с тем, кто откроет дверь, но за несколько секунд никто не открыл, и он поспешил вниз.

Наконец смазанные ригели замков начали двигаться. Открылась первая дверь, и, надавив всем телом на вторую, в проёме появилась Настя.

– Приве-е-ет! – она бросилась Косте на шею. Окунувшись

с головой в её кудряшки, как будто в огромный куст, он ощутил их запах, такой родной и знакомый.

Насте не нравились её кудри, при любой возможности она выпрямляла их и собирала в пучок. А Костя их обожал. Он мог стоять так вечно. Обнимать Настю за талию, чуть кружась, как бы пританцовывая, прикасаться к шёлковой коже её шеи и нежиться в завитках цвета жареного каштана. Костя никогда не видел жареных каштанов, но почему-то считал, что они именно такого цвета.

– Привет. Сто лет тебя не видел. – Костя взял в ладони её лицо и, освободив от непослушных кудрей, поцеловал в губы.

Веснушки с Настиного лица пока не сошли, и он улыбнулся: «Значит, ещё есть немного времени погулять до первых холодов».

– Идём? Ты готова? – Настя была в коротких джинсовых шортах и кофте со скатывающимися плечами. Было непонятно, это домашняя одежда или она уже готова к выходу.

– Проходи пока. Мне нужно дождаться папу. Он из Москвы должен вот-вот приехать. Я его встречу, и мы сразу пойдём. – Настя взяла Костю за руку и повела в свою комнату.

Косте нравилось у Насти, но он немного стеснялся. Огромная квартира была сделана из двух трёхкомнатных, соединённых вместе.

Просторный холл без дверей и перегородок переходил в столовую и кухню. Наборный паркет блестел, а массивная

дубовая мебель создавала ощущение антикварного магазина. На тумбочках, комодах и специальных подставках стояли всевозможные вазы и статуэтки. Единый стиль не прослеживался. Здесь были и китайские вазы, и скульптуры с античными героями, а на одной из тумбочек стоял телефон, выполненный под старину, но с современным проводом, уходящим куда-то в стену.

Костю всегда веселила картина во всю стену прихожей, на которой Настин отец стоял среди ржаного поля в белой рубашке-вышиванке, держа за руку Светлану – его вторую жену, одетую в простое деревенское платье.

Настина комната отличалась от остальной квартиры. Вернее, изначально ее дизайн задумывался как продолжение общего стиля. Это можно было понять по строгой дубовой паркетной доске и белому потолку с классической лепниной. Но всё остальное в этой комнате выдавало натуру, которая лишь вынуждена была здесь жить, однако выстраивала свой быт ровно так, как ей нравилось.

– Садись. Хочешь что-нибудь? – Настя запрыгнула с ногами на кровать и, похлопав по застеленному наспех покрывалу, пригласила Костю присоединиться.

Костя сел. Настя, обняв его сзади за плечи, наклонила голову и снова засыпала своими непослушными кудрями.

– Ничего не хочу. Я очень соскучился. – Костя обернулся, привлёк Настю в свои объятия и осторожно положил к себе на колени. – У меня сегодня есть сюрприз для тебя. Но, что-

бы он получился, нужно успеть до начала заката.

– Сюрприз-и-з? Я обожаю сюрпризы. – Настя взглянула на стенные часы в виде обхватившей дерево панды. – Через сорок минут пойдём. Даже если папа не вернётся.

– Хорошо. – Костя наклонился к Насте и поцеловал краешек её губ. Она обхватила его шею, прикрыла глаза, попробовала его губы на вкус.

– Люблю целоваться с тобой.

Римская штора была опущена. Настольная лампа освещала лежавший на столе открытый учебник. В комнате наступили сумерки, спасаемые от ночи лишь маленьким кругом искусственного солнца, которое, как казалось, через несколько секунд должно упасть за горизонт.

– Настя, когда папа прилетает? – Дверь неожиданно открылась, и в комнату заглянула Светлана. По белому махровому халату и мокрым волосам было понятно, что она только вышла из ванной.

– Ой, простите, – она ехидно улыбнулась, но даже не подумала выйти. – Можете не вставать, привет, Кость. Я вдруг совсем забыла, по Москве Саша прилетает или по-нашему.

– Добрый вечер. – Костя смущённо разомкнул объятия и приподнял Настю со своих коленей. – Самолёты всегда по местному времени, а поезда по московскому.

– Так это, значит, во сколько? – Светлана начала подсчитывать в уме, но так и не могла сообразить, когда же ждать мужа.

– Свет, папа уже должен прилететь. Наверно, где-то по дороге к дому. – Настя встала с кровати и включила верхний свет.

– Ты уверена? Я тогда побежала одеваться, – Светлана удалилась, а Костя с Настей, посмотрев друг на друга, вдруг негромко прыснули смехом.

Света была старше Насти на одиннадцать лет. Настины родители разошлись, когда ей было пять лет. Затем её мама вышла замуж за итальянца и уехала с ним в Рим. Она иногда звонила, раз в год приезжала в Москву, но с дочерью виделась не каждый раз. Иногда Настя сама ехала в Москву, где проводила с мамой день, и возвращалась домой. Реже мама приезжала в родной город, чтоб повидать бывших подруг и любовников.

Свету Настя не считала второй мамой или мачехой, они были подружками. Папина молодая жена нравилась Насте весёлым нравом, детской непосредственностью, к тому же она была убеждена, что Света по-настоящему любит её отца.

– Покажи мне, что ты нарисовала недавно? – Костя встал с кровати и подошёл к письменному столу, за который села Настя.

Небольшой стол был завален альбомными листами, красками, стаканами с кисточками, карандашами. На краю лежала пара учебников по международному праву, на полке над столом были ещё несколько книг по юриспруденции.

На подоконнике сохли несколько акварелек. Некоторые

лежали здесь очень давно, было видно, что краска неровно выгорела от солнечных лучей. На спинке стула висели несколько маек и бюстгальтер.

– Вот, смотри, к приезду папы написала. – Настя взяла с подоконника один из альбомных листов, на котором был изображён мужчина, сидящий в кресле. В левой руке он держал бокал с виски, а правой указывал на того, кто смотрел на картину, изучая его пристальным взглядом.

Костя взял лист в руки. Сан Саныч получился очень похоже. Ему даже показалось, что Настин папа сейчас встанет с кресла и, нависнув над ним, строго спросит о чём-то.

– Здорово. Мне очень нравится. – Костя вернул Насте картину, которую она вставила в заранее подготовленную деревянную рамку.

– Так, ладно. Буду одеваться. – Настя одним движением сняла через голову кофту, под которой ничего не было. Она прошла мимо него, слегка задев качнувшейся грудью, и подошла к большому платяному шкафу. Открыла створки, подумала пару секунд, оглядывая свой гардероб, потом стянула тугие шортики и поменяла их на джинсы. Сверху Настя надела ярко-красный топ.

Они вышли из комнаты, одновременно в прихожей появился Денис – охранник Александра Александровича Костылькова. Он поставил на пол чёрную дорожную сумку и встал, ожидая шефа. Следом вошёл Настин папа. Не говоря ни слова, махнул рукой Денису и, не снимая ботинок, про-

следовал в квартиру. Денис ушёл, аккуратно прикрыв дверь, а Костыльков молча разглядывал встречающих его домочадцев.

– Саша! – первая не выдержала Света, подбежав к мужу, поцеловала его в щёку и стала расстёгивать его длинную кожаную куртку, застёгнутую на все пуговицы.

– Привет, пап. – Настя с Костей так и стояли у двери, ожидая, когда папа разденется.

– Добрый вечер, – произнёс Костя, но ответа так и не последовало.

Костыльков скинул куртку на пол, открыл портфель, который не выпускал из рук, и достал внушительных размеров сотовый телефон. Начал что-то набирать, потом опомнился, обнял за талию жену и отдал ей поднятую с пола куртку.

– Малыш, поставь чай. Голова разболелась. – Он развернул жену в сторону кухни и слегка шлёпнул по попе.

Светлана повесила куртку в шкаф и поспешила на кухню.

– Пап, – снова позвала отца Настя, но он не ответил.

Костыльков набрал номер и приложил массивную трубку к уху.

– Ты где? Какого хрена я не могу до тебя дозвониться? – Его собеседник стал что-то объяснять. Костылькова это вывело из себя, и он начал кричать: – Я прилетел час назад и звоню тебе каждые пять минут. Я должен тебя разыскивать? – Наконец он заметил дочь, но, не сказав ни слова, последовал в свой кабинет.

– Не обращай внимания, у него так бывает. – Настя положила на тумбочку папин портрет, взяла из шкафа джинсовую куртку и занялась выбором обуви.

– Вы куда? – Костя уже открыл входную дверь, пропуская Настю, когда в прихожей появился Костыльков.

– Здравствуйте. – Костя шагнул навстречу и протянул руку. Костыльков ответил машинальным рукопожатием, продолжая смотреть на дочь в ожидании ответа.

– Пап, мы гулять. Мы торопимся.

– Что значит гулять? Времени видела сколько? Отец из командировки приехал, можно было и встретить.

– Пап, ты чего? Мы тебя специально дома ждали, а ты даже не заметил. – Настя подошла к отцу и, встав на цыпочки, обняла за шею.

– Папа устал, у папы была тяжёлая работа. – Он обнял дочь и поцеловал в макушку. – Давайте раздевайтесь. Попьём чай – и пойдёте.

– Папуль, мы опаздываем. У нас дела. – Настя отстранилась от отца и вопросительно посмотрела на Костю.

– Ничего страшного. Семья важнее, – сказал Костя, захлопнул входную дверь и разулся.

– Вот! – Костыльков поднял вверх указательный палец. – Мужик твой дело говорит.

Они проследовали на кухню, где Светлана, успевшая надеть лёгкое домашнее платье и уложить волосы, накрывала на стол.

На столе красовались фарфоровый чайный сервиз, два вида варенья в розетках, маслѐнка и сливки в кувшинчике, большая ваза со сладостями и блюдо с нарезанной колбасой. Костыльков уселся по-хозяйски во главе стола, перед своим стаканом в серебряном подстаканнике и бокалом.

– Как ты съездил? – спросила Света, продолжая накрывать на стол.

– Канитель опять. Ладно... всё решу. – Сан Саныч взял початую бутылку «Мартеля» и, плеснув себе в бокал, залпом выпил. – Как тут у вас?

Он забросил в рот два кусочка сервелата и откинулся на резную спинку венского стула.

– Милый, ну что тут у нас может быть без тебя? – Светлана аккуратно разлила чай и села справа от мужа. Всегда приветливая и весѐлая, сейчас она, сложив руки на столе, как прилежная ученица, улыбалась Костылькову. – Всё хорошо.

– Ой, у меня же для тебя сюрприз! – Настя выскочила из-за стола и выбежала из кухни. Костя молча ожидал ее возвращения, опустив нос в чашку с чаем. Настя вошла, держа в руках картину в деревянной рамке.

– Пап, это тебе. – Она протянула отцу подарок и, встав за его плечом, наблюдала за реакцией.

Костыльков взял картину, повертел в руках, посмотрел на неё с обратной стороны и положил на угол стола.

– Хорошая работа. Скажи мне, пожалуйста, что у тебя с учёбой?

– С учёбой всё хорошо, – Настя немного напряглась.

– Какие сегодня были занятия? – Костыльков внимательно смотрел на дочь.

– Сегодня? – Настя подумала пару секунд. – Политология и римское право.

– Ты ходила на них? – Костыльков начал вскипать.

– Папа, что за допрос? На какие-то ходила, на какие-то – нет.

Костыльков отодвинул подальше свой бокал с коньяком, сжал кулак и резко опустил его на стол.

– Мне сегодня звонил Сергей Михайлович Гвоздецкий. Твой декан, если ты ещё помнишь. Он сказал, что последний раз на занятиях ты была неделю назад и что на некоторых лекциях тебя не было ни разу.

– Папа! – Настя повысила голос. – Ты меня засунул в этот университет против моей воли. В итоге я согласилась на это и учусь. Но не нужно заставлять меня быть отличницей.

Костя заметил, что сейчас отец и дочь очень похожи: хмурые взгляды как шпаги со стальным блеском.

– Так, послушай меня! Мне не нужен твой диплом без твоих знаний. Я сам решаю вопрос о твоём образовании, потому что ты ещё не можешь осознанно управлять своей судьбой и, кроме меня, о тебе позаботиться некому. Я думаю о тебе и о твоём будущем.

Костыльков выпил чай и поставил стакан перед Светланой, давая понять, что нужно налить ещё. Светлана встала,

поцеловала мужа в щёку и пошла к плите заваривать новую порцию чая. Костыльков залпом выпил коньяк, наполнил бокал снова и поставил на прежнее место.

– Я хочу рисовать. Всю эту неделю я ходила на курсы. Завтра они закончатся, и я снова пойду в университет, – бесстрашно заявила Настя.

– Всё. Хватит. Я запрещаю тебе заниматься ерундой вместо учёбы.

Костя не знал о курсах и пропусках занятий, но он поддерживал Настю в её увлечении. Ему было очень неловко влезать в этот спор, но не поддержать Настю он не мог.

– Александр Александрович, Настя очень хорошо рисует, и это нужно развивать. Художник – тоже профессия. – Костя посмотрел на Настю, пытаясь понять её реакцию на эти слова, но, заметив, как у Костылькова заходили желваки от негодования, спохватился: – Но я полностью с вами согласен, что нужно окончить университет. И я ей в этом помогу.

– Вы ещё слишком молоды, и у вас в голове ветер, поэтому адекватно оценивать ситуацию вы не можете, – продолжил Костыльков гнуть свою линию.

– Папа, перестань. Ты сам постоянно рассказываешь, как с семнадцати лет был сам по себе и всё решал сам, – не сдавалась дочь.

– Да, это так. – Костыльков вновь откинулся на спинку стула и сложил руки на груди. – И уже с семнадцати лет я понимал, что для того, чтобы чего-то добиться, нужно много

учиться и много работать. Этим я и занимался.

Разговор постепенно переходил из обвинительного тона в поучительный, и Костя невольно заинтересовался. В нём боролись два противоположных желания: первое – поскорее закончить и бежать показывать Насте сюрприз, а второе – дослушать, чем завершится спор.

– Времена меняются, – вмешался Костя, – сейчас важнее качество, а не количество. Просто работать с утра до вечера – ничего не даст.

– Не нужно работать? Ты откуда это всё знаешь? – Костыльков приподнялся и, опершись о стол, навис над Костей. – Ты сам-то хоть что-то сделал в своей жизни, чтобы рассуждать? Я – владелец крупнейшего в области завода. А ты кто?

Костя смутился и замолчал. Костыльков победоносно усмехнулся и отошёл к плите, взял у Светланы заварочный чайник и принёс к столу. Светлана смахнула крошки в раковину и снова присела рядом с мужем.

– Завтра отмени все свои курсы и иди в университет. Я буду каждую неделю звонить Гвоздецкому и проверять твои посещения. – Костыльков оставил в покое побеждённого Костю и снова переключился на дочь. – Все твои художества – только в свободное от учёбы время.

Настя, решившая, что всё улеглось, не ожидала прямого приказа уйти с курсов. Она медленно задвинула стул, скрипнув по паркету, обошла стол и взяла картину. Не глядя на от-

ца, она подошла к стоящему на специальной подставке бронзовому Зевсу и насадила картину ему на голову. Голова древнегреческого бога заменила голову отца, а вместо бокала с виски в руках зазмеилась молния.

Все за столом притихли. Костя не ожидал от Насти такого гнева, но этот поступок вызвал в нём восхищение. Костыльков со Светланой молча смотрели на Настю.

Настя вдруг начала смеяться. Она смотрела на статую и заливалась смехом. Со стороны не было видно, как Зевс заменил на картине сидевшего в кресле Костылькова.

Настя вдруг прекратила смеяться.

– Папочка, я всё поняла. Всё будет так, как ты захочешь. Я никогда не стану художником, а буду самым лучшим в мире адвокатом.

Приторно-сладкий голос недвусмысленно передавал настроение Насти. Костя подумал, что сейчас скандал пойдёт на новые обороты. Но Костыльков промолчал. Он сник, будто на него резко навалилась усталость. Повернулся к Светлане, обнял её и прикрыл глаза.

Настя вышла.

Костя тихо встал из-за стола, пробормотал: «До свидания» – и бочком выскользнул в прихожую. Настя сидела на пуфике и зашнуровывала кроссовки.

– Пойдём? – спросила она, взглянув на Костю.

Они вышли из подъезда, держась за руки. Было уже темно. Закат пропустили, поэтому торопиться было некуда.

Они побрели по двору, не говоря друг другу ни слова. Было прохладно, осень брала своё, и неприятный пронизывающий ветер продувал лёгкие летние куртки. Костя выпустил Настину руку и обнял её за плечи, пытаясь согреть. Настя прижалась к нему тесней, обняв за талию.

Они так и шли обнявшись по вечерним дворам, мимо детских площадок, ночных автостоянок и гаражей. Где-то сидела компания, оккупировав качели; собачники, объединяясь в зависимости от размеров своих собак, занимали свободные газоны. Кто-то возвращался с работы. Спешил домой, размахивая портфелем в такт быстрой походке. Город ещё не уснул, но было видно, что день уходит. Сердитым ветром он как будто разгонял припозднившихся любителей суеты, чтобы уснуть и оставить у себя лишь тех, для кого ночь привычнее дня. Тех, кому спокойнее в темноте и в одиночестве.

– Мы пришли. – Костя остановился у подъезда шестнадцатиэтажного панельного дома.

– Мы к кому-то в гости? – спросила Настя.

– Нет, мы будем вдвоём. – Костя набрал код замка и открыл металлическую дверь.

Они поднялись на лифте. Костя, взяв Настю за руку, повёл её ещё выше по лестнице.

Дорогу преградила небольшая деревянная дверь. Костя просунул руки под лежавшие доски и достал небольшой ключ. Сняв навесной замок, он открыл дверь и выглянул. Крыша была пуста. Он пролез в дверь и помог забраться На-

сте.

Ровная, без скатов крыша была покрыта гудроном и имела высокие, около метра, борта. Можно было не бояться подойти к краю и смотреть вниз. А смотреть было на что.

Лунный свет позволял видеть очертания крыши. Настя, широко открыв глаза от удивления, подошла к краю, взглянула вниз и вдаль и увидела весь город.

– Я никогда не думала, что он так красив!

Настя легла животом на борт. Костя осторожно обнял её сзади. Он чувствовал, что угадал с сюрпризом, и любовался городом вместе с ней.

Крохотные огни автомобилей, как светлячки, перемещались внизу по дорогам. С высоты был виден почти весь городской пруд. Лунная дорожка начиналась от пляжа и тянулась к противоположному берегу, где стоял главный административный корпус сталелитейного завода. Старый, ещё прошлого века корпус напоминал замок. За ним, будто постовые с ружьями, торчали огромные трубы. Четыре исполина источали дым, который клубился и, рассеиваясь, поднимался выше. Было ветрено, и серые облака, чуть приправленные остатками розового заката, уходили строго по ветру, в противоположную от города сторону.

Настя заворожённо смотрела на эти трубы, дым и не шевелилась.

– Идеальный сюжет для городского пейзажа, – сказала она, не поворачиваясь к Косте. – Так и во всём: чёрный дым

окутывает город. Он несёт грязь, болезни, убивает живое. Но как же он красив сам по себе.

– Тебе нужно написать этот пейзаж. – Костя оставил её и направился к металлической будке в центре крыши. К будке крепились телевизионные антенны, стойки с кабелями и другие конструкции.

За будкой стояли несколько пластиковых стульев и перевернутый водочный ящик, покрытый куском кухонной клеёнки. На ящике, служившем столом, стояла пепельница, сделанная из днища алюминиевой банки из-под пива, и валялась пустая пачка сигарет «Ява Золотая».

Костя присел на корточки и отодвинул кусок фанеры. Там было что-то вроде тайника. Он просунул руку и достал несколько свёртков, упакованных в полиэтиленовую плёнку и перемотанных скотчем.

– Ты где? – Настя не видела Костю за металлическим сооружением.

– Я здесь. – Костя вышел на открытое место и показал Насте пакеты. – Я обещал тебе сюрприз. Вот он.

– Что это? – Пакеты выглядели неприглядно, поэтому не произвели на Настю никакого впечатления.

– Сейчас увидишь! – Он взял пластиковый стул и поставил его рядом с Настей. – Садись и смотри вдаль. Сейчас я всё сделаю.

Настя села, а Костя принялся распаковывать свёртки. Первым он достал большой складной мольберт. Он собрал

его и поставил за спиной девушки.

– Пока не смотри. Я скажу, когда можно.

Костя достал чистый холст, масляные краски в небольших тюбиках, набор кисточек в пластиковом стакане и палитру для смешивания красок. Потом принёс ящик-стол, переносную лампу на аккумуляторах и поставил рядом с Настей. Затем укрепил холст на мольберте, а всё остальное разместил на ящике. Осмотрел составленный натюрморт и остался доволен. Он обнял Настю сзади и поцеловал в выглядывающее из кофты плечо.

– Всё, теперь можно, – прошептал на ухо.

Настя обернулась. Она ожидала увидеть всё что угодно, но только не это. Думала, что Костя приготовил романтический вечер. Купил шампанское, зажёл свечи или что-то в этом духе... Это было бы слишком предсказуемо. Несколько секунд Настя смотрела с удивлением и восторгом.

– Тебе понравилось? – Костя видел, что угадал с сюрпризом.

– Представляю, что бы сейчас сказал мой папа, если бы увидел!

Её явно расстроила сегодняшняя перепалка с отцом, но отказываться от любимого дела она не собиралась. Настя подбежала к Косте и повисла у него на шее. Она начала целовать его в губы и оторвалась только тогда, когда почувствовала, что кончается воздух.

Потом она взяла мольберт и стала выбирать место. Водру-

зив его у самого края крыши, поставила перед ним пластиковый стул. Костя принёс ящик с красками.

– Ещё мне нужна вода, – Настя взяла стакан с кисточками и показала Косте.

– Сейчас, у меня всё есть, – Костя вытащил пластиковую полторашку с водой из тайника и наткнулся ещё на один предмет. Пошарив, достал старенький однокассетный магнитофон ИЖ-302. Проверив батарейки, Костя извлёк из тайника несколько кассет. Просмотрев все, он взял Розенбаума и вставил кассету в магнитофон.

Настя уже делала набросок карандашом. На холсте проступали трубы, завод и очертания городского пруда. Костя принёс себе стул и сел чуть позади своей художницы.

Настя обернулась, весело подмигнула и стала смешивать краски. Костя включил магнитофон – сначала почти неслышно. Потом он стал постепенно добавлять звук, чтобы голос музыканта стал отчётлив, но не мешал Насте работать.

Глаза зелёные сливаются с листвой,
О чём-то клёны говорят между собой.
Не Ренуар ли написал картину:
Красавица, прилавок, апельсины?
Не Ренуар ли написал картину:
Красавица, прилавок, апельсины?

Костя сидел на стуле и смотрел вверх, на звёзды. Их было мало – едкий чёрный дым застилал почти всё небо, но неко-

торые всё-таки были видны. Они горели в одиночестве, выпав из своих созвездий, указывая ночным путникам дорогу и охраняя небо от посягательств земной цивилизации.

Часть 2. Папа

Глава 2.1

В восемь утра рюмочные и кафе ещё не работали, поэтому они зашли в магазин, купили чекушку водки, сырную нарезку, триста граммов варёной колбасы и полбуханки хлеба.

– Куда пойдём? – смущённо спросил Вениамин.

– Тут парк рядом хороший. Народу нет сейчас. Сядем, поговорим. – Сергей Семёнович собрал покупки в полиэтиленовый пакет, сгрёб сдачу и положил в карман потёртой кожаной куртки. – Идём.

Через пять минут они уже сидели на лавочке, повернувшись друг к другу и склонившись над расстеленной газетой. Со стороны Сергей Семёнович и Вениамин были похожи на гроссмейстеров над шахматной доской, обдумывающих очередную ход.

Но на их сегодняшней доске были расставлены не шахматные фигуры, а две рюмки, которые Сергей Семёнович достал из своей чёрной сумки. Дунув в каждую рюмку, он поставил их примерно на позиции ферзей. Затем взял бутылку, взболтал её и, подняв к свету, оценил качество закрученного, как он любил говорить, «змия».

Вениамин очень смущался и постоянно озирался по сто-

ронам. Для него такое времяпрепровождение было в новинку. Казалось, что сейчас из-за кустов выйдет милиция, а ещё хуже – его родители, которые будут молча стоять и укоризненно качать головами: «Мы же говорили тебе: нужно было оканчивать институт и работать врачом в клинике».

– Ты сейчас как из «Афони», – Сергей Семёнович улыбнулся и разлил водку по рюмкам. – Не обижайся. Я по-доброму.

Вениамин действительно смотрелся очень комично. И если бы не его двадцать три года, то он бы идеально подходил на роль собутыльника главного персонажа, которого сыграл Леонид Куравлёв в известном фильме. Он был одет так, словно не провёл сутки на работе, а только что вышел из дома, где несколько часов занимался своей одеждой. Стрелки на серых брюках были идеально отглажены. Желтоватая рубашка виднелась из-под чёрного жилета. Воротник, пристёгнутый маленькими пуговицами, прижимал безупречный узел старомодного коричневого галстука. Образ дополняла причёска: «модельная» стрижка с пробором, показывающим безукоризненную светлую дорожку среди его чёрных волос.

– Давай за тебя, – Сергей Семёнович поднял рюмку. – Кстати, сегодня ровно месяц, как ты со мной работаешь.

– Да, точно. Всего месяц, а кажется, что целый год, – так много всего случилось. Время пролетело незаметно. – Вениамин тоже поднял свою рюмку, недоверчиво посмотрел внутрь, чокнулся с Сергеем Семёновичем и залпом выпил.

Водка была не самая качественная, но и не палёная. Вениамин сморщился и тут же закусил сыром и колбасой.

Сергей Семёнович, наоборот, медленно осушил свою рюмку и на несколько секунд задержал дыхание, прислушиваясь к ощущениям. Видимо, они его полностью устроили. Он неторопливо взял хлеб, сделал себе бутерброд и, откинувшись на спинку скамейки, приступил к трапезе.

– А чугунные скамейки были удобнее. Сволочи, растащили все на лом, – Сергей Семёнович сказал это мягко и дружелюбно. Можно было подумать, что он сам принимал участие в сборе чугуна. Но, конечно, это было не так.

Сергей Семёнович работал врачом специальной кардиологической бригады скорой медицинской помощи. И вот уже почти двадцать пять лет, с тех самых пор, как окончил медицинский институт, он ничем другим не занимался.

Ему было ровно столько же лет, как и Вениамину сейчас, когда он впервые пришёл на скорую. Он вспоминал себя и очень хорошо понимал все беспокойства нового фельдшера. Сергей Семёнович сразу начал врачом, и ответственность на нём была совершенно другая. Но всё равно он относился к своему помощнику по-отечески, вспоминая, как важны были ему наука и поддержка старших товарищей. «Старички» всегда помогали молодым, не было между ними конкуренции, все занимались одним общим делом – спасали людей.

– Я вообще не водку попить тебя позвал, а хотел поговорить. – Сергей Семёнович разлил ещё по рюмкам, но пить

пока не стал.

– Вы про последний вызов? – Вениамин вдруг вспыхнул. – Паразиты. Вы им отца с того света вытащили, а они...

– Тише, тише, – Сергей Семёнович остановил Вениамина. – Ты бы ещё в драку с этим мужиком полез.

– И полез бы, если нужно. Они мизинца вашего не стоят, а хамят.

– Так, Веня, послушай меня. – Сергей Семёнович поставил рюмку и подался чуть вперёд, опёршись о спинку скамейки. – Во-первых, мы не милиция, а скорая помощь. Наше дело – лечить людей, а не разбираться с их родственниками. А во-вторых, – он поднял вверх указательный палец, – на вызове главный – я. И только я решаю, что нужно делать. Делай свою работу, а все конфликты буду разруливать только я.

– Я понял, Сергей Семёнович. Простите меня. Больше такого не повторится. – Вениамин на этот раз первым поднял рюмку, чокнулся и залпом выпил.

– Слушай, называй меня Семёнычем. Меня так с молодости зовут. Наверное, из-за усов. – Сергей Семёнович рассмеялся и, взяв бутылку, разлил остатки по рюмкам. – А мне нравится. Как-то это по-дружески, но с уважением.

– Хорошо, Сергей Семёнович. – Вениамин вдруг замолчал, задумался и поднял рюмку. – А ведь если бы мы его не спасли, – он осёкся, – вы не спасли, родственнички бы нас так просто не отпустили.

– Ничего бы они нам не сделали. А вот мы действительно

были бы виноваты. – Семёныч поднял рюмку и, не чокаясь, выпил. – Он хрипел и начал умирать. Если бы мы не успели, помер бы мужик.

– Я, как на мониторе увидел фибрилляцию желудочков, сразу в вену вошёл. Не стал вас дожидаться. – Вениамин допил свою порцию и, вылив на землю несуществующие остатки водки, положил пустую рюмку в открытую сумку Семёныча.

– Всё правильно сделал. Тут всё секунды решают, даже не минуты.

– Двадцать семь минут мы его реанимировали. Сергей Семёнович, я думал: всё, труба мужику.

– Нормально, Веня.

– В сознание только не пришёл.

– Гипоксия мозга... Но сердце-то запустили. До больницы довели. Теперь его уже не отпустят. Должен справиться. – Сергей Семёнович положил пустую рюмку в сумку, сделал бутерброд из остатков колбасы и сыра и задумчиво принялся жевать.

Они так сидели ещё минут десять, молча завтракая после тяжёлой смены. Вениамин взял пустую бутылку и понёс к урне. Сергей Семёнович достал из кармана куртки пачку «Родопи», китайскую прозрачную зажигалку и прикурил, прикрывая ладонью огонь. Первая затяжка сразу принесла покой и умиротворение. Усталость дала о себе знать, его потянуло в сон.

«Хороший Веня парень. Будет из него толк», – Сергей Семёнович улыбнулся, радуясь за своего нового фельдшера, и прикрыл глаза.

Вениамин вернулся. Будить Семёныча не стал, но вытащил сигарету, медленно тлеющую меж его пальцев.

Сергей Семёнович проснулся, посмотрел на простенькие электронные часы на руке и стал собираться: спрятал остатки хлеба в пакет, сбросил с газеты крошки, свернул её и всё это сложил в сумку.

– Ладно, Веня, пора домой. – Сергей Семёнович похлопал фельдшера по плечу и протянул руку.

– Спасибо, Семёныч. Вы – мой учитель. – Веня крепко пожал руку и долго её не отпускал.

– Всё, езжай домой. Тяжёлый сегодня был день. Бай! – И, развернувшись, тот быстрым шагом направился к автобусной остановке.

Остановка была пуста, но Семёныч не стал садиться на лавочку, думая: «Если сяду, то сразу усну». Он вышел на проезжую часть и посмотрел вдаль, не виден ли автобус.

Рано. Лишь одинокий автомобиль, медленно стартовав со светофора, покати́л в его сторону.

Новенький «лексус» проехал мимо остановки, затем резко затормозил и стал сдавать назад. Поравнявшись с Семёнычем, серебристый седан остановился, и тонированное стекло со стороны пассажирского сиденья начало опускаться.

– Семёныч, ты? – в окне появилось улыбающееся лицо мужчины. Усы и борода были тщательно подстрижены – выверенная длина трёхдневной щетины. Семёныч даже ощутил запах дорогого одеколona.

– Гена, это ты, что ли? – Сергей Семёнович узнал свое го студенческого товарища и подошёл к автомобилю.

– Здравствуй, дорогой! – Геннадий протянул из окна руки, и Семёныч попытался обнять старого приятеля.

– Казак, ну ты крут, как всегда.

– Не жалуясь, – Геннадий Викторович Казаков улыбнулся, обнажив неестественно белые зубы. – Давай садись ко мне, подвезу, поболтаем.

Семёныч обошёл «лексус», открыл заднюю дверь и устроился в мягком кожаном кресле, которое было отделено от соседнего массивной консолью с множеством кнопок и телефонной трубкой.

Они наконец обнялись по-настоящему.

– Как ты, дружище?

– Всё так же на скорой. Жена, сын. У меня всё хорошо.

– Рад. Ты, значит, со смены. А я на работу. Поехали ко мне – выпьем, посидим.

Семёныч лишь пожал плечами.

– Саша, поехали, – велел водителю Геннадий Викторович.

Геннадий Викторович Казаков являлся совладельцем и директором частного медицинского центра «Восточноевропейская медицина». Потомственный стоматолог, он окончил институт и стал работать вместе с отцом в Первой республиканской больнице. Ещё в советские времена их кабинет резко отличался от других: там было чисто, стояло новое оборудование, водились импортные материалы. Все главные партийные боссы и кооператоры лечили зубы у них, всегда платя чуть больше, чем предписывал официальный прейскурант.

Неудивительно, что, как только рынок открыл для предпринимателей новые возможности, Казаковы основали собственную небольшую стоматологическую клинику.

Но вместе с возможностями появились и трудности. Во-первых, началась конкуренция, благо медицинский институт имел отдельный стоматологический факультет и регулярно выпускал специалистов; а во-вторых, кроме лечебных дел, приходилось решать совсем другие проблемы.

Одной из таких проблем и стал наезд «ошмесовской» группировки, на территории которой Казаковы арендовали помещение под свою клинику.

Геннадий понимал неизбежность рэкета. Но его смущал предполагаемый контрагент. Группировка, назвавшая себя в честь кафе «Ошмес», где парни и собирались на свои сход-

ки, не внушала Геннадию какого-либо трепета и уважения. Хулиганьё, не так давно покинувшее школьные парты, и их руководители – выпускники ПТУ – не могли быть надёжной «крышей». Казаков долго думал, перерыв все свои записные книжки, и наконец нашёл номер старого приятеля Коли Лопатина, известного в городе криминального авторитета по кличке Лопата.

Коля Лопата по-дружески откликнулся на просьбу встретиться, и на следующий день они уже сидели в отдельном кабинете ресторана «Малахит», который принадлежал Лопатину.

Вопрос был решён быстро. «Лопатинские» простили некоторые незначительные грешки молодым «ошмесовским» бандитам, в учредительных документах ООО «Восточноевропейская медицина» появился ещё один собственник с двадцатипятипроцентной долей, а клиника переехала в новый торговый центр и расширилась почти втрое.

Коля Лопатин стал совладельцем клиники, добился льготных условий аренды в торговом центре и оградил Казака от всех вопросов, не касающихся медицины.

– Куда едем? Я предполагаю, в самую лучшую стоматологическую клинику города? – Сергей Семёнович искренне радовался за товарища. Он всегда знал, что Казак не пропадёт. И даже не оттого, что тот прагматично выбрал стоматологию при распределении, и не потому, что всегда пользовался папиными связями, а потому, что ему всё давалось легко. И

удачи, и поражения он принимал как должное и шёл вперёд, никогда не оглядываясь.

– Про лучшую клинику ты, конечно, верно сказал, но стоматология уже давно не самое прибыльное дело, – Геннадий Викторович самодовольно ухмыльнулся. – Мы сейчас приедем, и я тебе всё покажу. Мне интересно твоё мнение. А ты помнишь, как Юлечка Александровна спрашивала всех, какие из внутренних болезней нам больше нравятся?

– Помню. Ты сказал, что болезни не нравятся никакие, а заниматься хочешь исключительно девичьими улыбками.

– А ты долго думал и потом так серьёзно сказал: «Мне нравится сердце», – Геннадий Викторович с точностью пародиста изобразил своего студенческого друга, и оба рассмеялись.

– Да... давно это было. Юлечка тогда уже была почти на пенсии, а сейчас и наша не за горами.

– Ну ты скажешь: пенсия! – Геннадий Викторович хохотнул, погладил свою модную бородку и уже более серьёзно сказал: – Мы ещё повоюем с тобой, Серёжа. Мне сейчас как раз нужны свои люди. Мельчает народ. На собеседование приходят или бездари, или шарлатаны. А если попадается профессионал, то тянет одеяло на себя. Не хочет подчинённым быть.

Сергей Семёнович хотел было ответить, но автомобиль остановился у служебного подъезда торгового центра «Виктория», водитель поспешно вылез из машины и побежал от-

крывать шефу дверь.

Клиника была шикарная. Таких интерьеров Семёныч ещё не видел. Регистратура походила на холл крупного банка, в котором он как-то бывал, когда пытался взять кредит на строительство гаража.

Казак жестом указал Семёнычу на диковинный аппарат, в который нужно было поставить ногу в ботинке, и через несколько секунд подошва покрывалась плёнкой, защищающей белые мраморные полы от осенней грязи.

Сам же Казаков, будучи в летних туфлях на тонкой кожаной подошве, предпочёл остаться без плёнки.

Они поднялись на один этаж в лифте и, пройдя по коридору, оказались в огромной приёмной. Поздоровавшись с секретаршей Леночкой, проследовали в кабинет Казакова, который напоминал скорее небольшой банкетный зал, чем кабинет директора медицинского центра.

Длинный стол для совещаний был соединён буквой «Г» со столом хозяина. Семёныч обратил внимание на монитор компьютера – он был больше его старенького домашнего телевизора. На столе стояла фотография старшего Казакова и маленькая статуэтка очень старого китайского дедушки, улыбающегося одними глазами и грозящего указательным пальцем.

В углу, у стеллажа с книгами стояли два глубоких кресла и небольшой журнальный столик между ними.

– Садись, дорогой. Сейчас соображу что-нибудь выпить.

Семёныч погрузился в кожаное кресло, поставив сумку на пол рядом, а Казаков, порывшись в глобусе-баре, принёс бутылку коньяка и два пузатых бокала.

– Сейчас тебя чаем ещё напою. Такого ты точно не пробовал.

Геннадий Викторович вызвал по громкой связи Леночку и велел принести кипяток.

Через три минуты девушка появилась с маленьким деревянным подносом. Она поставила на стол металлический термос, заварочный глиняный чайник, странный фарфоровый сосуд с длинной ручкой и пару микроскопических чашек.

– Давай разливай коньяк, а я сделаю чай. – Казаков протянул бутылку Семёнычу.

Тот взял, чуть отставив от дальнорюжих глаз, посмотрел этикетку и разлил коньяк по бокалам. Казак колдовал над чаем: принёс деревянную доску и причудливую серебряную коробку. Из термоса сполоснул чашки и чайник, вылив кипяток прямо на доску. Маленьким деревянным совочком стал доставать из коробки какие-то корешки и почки и высыпать их в чайник.

– Ездил год назад в Пекин заказывать оборудование. – Казаков поболтал чайник с веточками, опустил туда нос и с наслаждением вдохнул. – Понюхай, – и сунул Семёнычу.

Тот вежливо ответил:

– Вкусно. И необычно.

Он привык пить обычный чай со слонем, заваривая крепко прямо в кружке, с тремя ложками сахара. Этот чай он не понял.

– Так вот, – продолжил Казаков, – местные там пьют этот чай литрами. Китайцы, которые меня принимали, на всех наших переговорах по полчаса заваривали чай. – Теперь он налил из термоса в чайник кипяток и буквально через одну минуту выплеснул в фарфоровый сосуд.

– А зачем сливаешь? Не заварился же ещё? – не выдержал Семёныч. Чай был почти белый, с чуть желтоватым оттенком. – Давай, может, жажнем? А то, я вижу, чай будет ещё нескоро.

Друзья подняли бокалы и, звонко чокнувшись, залпом выпили.

– Чай уже готов. – Казаков разлил диковинный чай по чашечкам. – Он называется «белый», поэтому кажется, что ещё не заварился.

– Завидую тебе, Гена. В Китае был. Я вот всё мечтаю в Судак на машине. – Семёныч разлил ещё коньяка и мечтательно задумался.

– А что мечтать-то, Серёжа? – Казаков, не чокаясь, выпил коньяк и, взяв в руки чашечку чая, сел в кресло. – Надо делом заниматься правильным. И всё будет. И Судак, и Китай, и всё остальное.

– Или на Алтай. Врачом. В экспедицию. – Семёныч пропустил фразу Геннадия мимо ушей, выпил свой коньяк и

пригубил чай. – На самолёте до Горно-Алтайска. Вечером заселиться на базу, попариться в бане, съесть тарелку лагмана с рюмкой водки и сразу спать. А рано утром, часов в пять, спуститься к Катунь. Зайти в ледяную воду, умыться, потом растереться жёстким полотенцем, сесть на большой валун и слушать шум реки, ждать, когда солнце окончательно поднимется и согреет посёлок.

– Семёныч, тебе сколько лет? Что ты всё как пацан? – Казаков разлил остатки коньяка по бокалам и вылил кипяток в чайник. – Вот выйдем на пенсию и вместе будем на рыбалки ездить да помидоры на огороде выращивать.

– Да не нужен мне этот огород даром, я тебе о другом совсем говорю, – раздосадовался Семёныч.

– Во-о-от, правильно. Никаких огородов. Давай сейчас выпьем, и я тебе скажу правильную вещь. – Казаков чуть захмелел и стал говорить громче. – Старик, давай за тебя. Сколько лет мы не виделись?

– Лет двенадцать.

Они чокнулись, выпили коньяк и обнялись.

– Серёга, давай ко мне, а? Хорош киснуть на своей скорой.

– Куда к тебе?

– Ко мне в клинику. – Казаков постучал себя кулаком по груди. – Врачом. Главным, конечно, пока не могу, но через пару лет вполне.

– Не знаю. – Семёныч смутился и опять пожал плечами. – Каким врачом? У тебя тут кардиология есть?

– Да каким хочешь. Подожди, я тебе сейчас покажу.

Казаков встал с кресла и подошёл к компьютеру. После некоторых манипуляций зашумел принтер, и из него вышло несколько листов.

– Вот, смотри. – Казаков протянул Семёнычу распечатанную презентацию. – За этим – ближайшее будущее. Это гораздо круче, чем стоматология.

– А мне-то что здесь делать? – Сергей Семёнович, насколько это было возможно после водки и коньяка, рассматривал листы.

Это была цветная презентация медицинских услуг. Современная лазерная установка предполагала излечение от множества болезней. Процедура «плазмаферез» обещала мгновенное омоложение. Далее приводились цитаты из лекций профессоров медицины, которые Семёнычу были неизвестны, и отзывы от благодарных пациентов.

– Ты посмотри последнюю страницу. – Казаков так и не смог дождаться, пока Семёныч сам дочитает до конца.

Сергей Семёнович вытащил последний лист – прайс-лист услуг, которые предлагала клиника. Бегло взглянув на цены, он присвистнул и поднял глаза на Геннадия.

– Да, старик, сейчас это тема. И, что самое главное, мы пока первые это делаем, поэтому конкуренции нет. Мы можем назначать любую цену.

– А общая медицина? Кардиология у вас есть?

– Конечно, есть. Все направления. Стоматология, есте-

ственно, тоже. Просто я тебе говорю о том, где мы зарабатываем по полной. Мы недавно о-очень серьёзно вложились в оборудование, и теперь нужно как можно скорее это все отбить.

– Ген, я не понял. Ты в кардиологию меня зовёшь?

– Да что ты заладил всё: кардиология, кардиология! – Казаков покраснелся после выпитого коньяка и активно жестикнул. – Будешь терапевтом или кем хочешь. Помимо оклада, который будет в три раза выше, чем у тебя на скорой, с каждой процедуры, которую ты сможешь продать пациенту, будешь получать десять процентов. Ты прайс видел? Вот, теперь посчитай.

Сергей Семёнович задумался. Никогда до сих пор ему не приходила мысль о смене места работы.

– Гена, ты за кого меня держишь? Я не торгаш, а врач. Да я и не умею продавать. Вернее, не хочу. Я умею спасать, оживлять. Вот это моя работа. И я её делаю хорошо.

– Послушай. – Казаков встал со своего кресла и пересел на подлокотник кресла Семёныча. – Я знаю, ты классный специалист, но скорая без тебя справится, незаменимых нет. А вот тебе нужно подумать о своей жизни. О простой человеческой жизни, о себе, жене, сыне. Я же не наркотики тебе предлагаю продавать. Ты как был врачом, так им и останешься.

– Каким врачом? Что ты знаешь о врачах? Притащил пару агрегатов и впариваешь людям дорогостоящие процедуры?

– Ну ты охрене-е-ел... – Казаков встал и снова пошёл к глобусу. Открыл его, а затем с грохотом захлопнул. – Да пошёл ты знаешь куда? Я тебе помочь хотел. Жизнь твою наладить, а ты как баран!

Семёныч встал, молча поднял с пола свою сумку, шагнул к выходу. У двери кабинета он вдруг остановился, секунду подумал и повернулся к Казаку:

– Ген, прости. Я не прав. Спасибо тебе за всё.

– Старик! – Казаков подошёл к Семёнычу и взял его за плечи. – Подумай ещё. Сейчас жизнь другая начинается. Нужно думать о себе, иначе останешься у разбитого корыта. А про нашу медицину ты действительно зря. Мы же новые технологии внедряем, о которых в госклиниках ещё не слышали, а за границей уже лет десять используют.

– Может, ты и прав. – Семёныч опустил голову. – Неожиданно это всё как-то. Я подумаю. Обязательно подумаю.

Утро уже было в самом разгаре. Автомобили гудели, пешеходы спешили.

Семёныч шёл сквозь этот поток, никуда не торопясь. Солнце пригревало, расслабляя уставшее от работы и алкоголя тело. Он на секунду остановился, подставил лицо горячим лучам и, не замечая толкавшихся плечами встречных прохожих, отправился дальше.

До дома недалеко, шесть остановок. Он дождался своего автобуса, встал у заднего окна и засмотрелся на дорогу.

«Охота уже открылась, а я ещё не был». Ему вдруг вспом-

нилось, как он ехал в «буханке», смотрел в заднее окно, провожая старый деревенский домик его друга. За плечами был рюкзак, в руках двустволка, а в сердце – предчувствие хорошей охоты. Лайка Чара терпеливо лежала на полу машины и чуть вздрагивала на кочках, ожидая конца дороги.

«Может, собаку завести? Спаниеля. Русского охотничьего». Семёныч всегда завидовал другу, который мог вместе с Чарой ходить на охоту, вдвоём ночевать под открытым небом у костра, наслаждаться природой и безмолвным общением друг с другом.

Автобус, как старая металлическая мясорубка, выплюнул несколько человек в серых одеждах, как будто луком в фарше, разбавленных белыми пластиковыми пакетами, и умчался дальше по своему маршруту.

От остановки до дома было около десяти минут ходьбы, но Семёныч намеренно пошёл по другой дороге.

«Обойду дворы и пройду по нормальному асфальту. Куда торопиться?» Он неспешно побрёл вдоль знакомых домов, гаражей и коммерческих палаток.

Семёныч заметил, что утро у людей всегда одинаковое. Из года в год почти ничего не менялось: вот странный мужик делает гимнастику на детской площадке, круглый год, зимой и летом, он бегаёт по утрам в одной и той же одежде – белые штаны, белая майка и косынка на голове, белые сандалии зимой сливаются со снегом, а летом покрываются городской пылью, меняя цвет.

«Висит на брусьях. Значит, пробежал кросс, и сейчас уже около десяти утра». Семёныч взглянул на свои «Монтана» – почти угадал.

«Наташа уже должна уйти на работу. Костя тоже, наверное, на пару или опять крутить какой-то бизнес. Молодец он, конечно. Я в его годы любил поспать. А он всё куда-то рвётся. Жаль только, что о главном забывает. Деньги приходят и уходят, а что дальше?» Семёныч прошёл мимо вечной кучи земли возле разрытой ямы. В очередной раз заглянул вниз, осматривая трубы, которые из года в год пытались заменить коммунальщики. Каждый год в начале лета трубы привозили новенькими, блестящими, но к осени, когда подступала опасность первого снега, приходилось их всё-таки зарывать, и трубы становились похожими на старые.

«Вот и у них бизнес. Один раз хорошо сделаешь – где и на чём денег в следующем году заработать?»

По узкой глиняной тропинке Семёныч добрался до магазина. Встал в очередь, дождался, пока бабушка наговорится с продавщицей, и, протянув заранее приготовленные купюры, купил две бутылки крепкого пива, хлеб и добрый круг докторской колбасы.

Первую бутылку он открыл сразу. Вышел из магазина и сел на лавку. Холодная жидкость, отдававшая спиртом, сначала приятно освежила, но почти сразу ударила в голову. «Намешал я сегодня. Коньяк, наверное, дорогой. Французский». Семёныч любил выпить одну-две бутылки крепкого

пива после суточной смены. Усталость чуть отпускала, и он быстро засыпал, отвоёвывая у жизни недополученный сон.

Он пил медленно, никуда не торопясь, вспоминая и анализируя сегодняшний день, вызовы, ситуации: «Веню нужно натаскивать. Хороший парень, выйдет из него толк». Семёнычу всё как-то не везло с фельдшерами. Некоторые были ленивы, некоторые просто не любили свою работу, а те, кто чего-то стоил, работали несколько месяцев и уходили.

«Сейчас приду домой и позвоню в клинику, узнаю, что там с мужиком. Выжил или нет».

Семёныч допил пиво, положил пустую бутылку в урну. Направился к своему подъезду, подойдя, долго искал новый длинный ключ от железной двери, нашёл, вставил в отверстие и, нажав с усилием ладонью, открыл дверь. «Как такой ключ в кармане носить, неужели нельзя сделать удобнее?» Он вдруг вспомнил клинику Казакова, его кабинет с евро-ремонтom и ответил сам себе на поставленный вопрос: «Конечно, можно, если деньги на это есть».

Он поднялся на несколько ступеней к лифту, пропустил выходящую из него женщину с двумя мусорными мешками, поздоровался и зашёл в кабину. Кнопки четвёртого этажа не существовало. Вернее, она была в виде расплавленной чёрной дыры, в которую страшно было погружать палец. Семёныч ткнул туда ключом, и лифт поехал.

На этажах установили железные решётки, разгораживающие всю площадку. Внутри была ещё одна общая дверь в

общий коридор, где хранили коляски, велосипеды и другие крупные вещи, не боясь, что их украдут.

В семье у Семёныча велосипедов и колясок уже не было, поэтому супруга Наталья специально купила и поставила сюда красивый ящик для овощей. В нём можно было хранить почти целый мешок картошки и, самое главное, ставить на него тяжёлые сумки, пока отпираешь дверь.

Семёныч нашёл в связке нужные ключи и проделал уже привычную процедуру: вставил ключ в замок железной двери, вошёл, закрыл её, затем отпер деревянную дверь коридорчика и, пройдя вперёд и повернув ключ на два оборота, подошёл наконец к двери своей квартиры.

Нижний замок не был заперт. Это означало, что дома кто-то есть и дверь закрыта на задвижку. Семёныч убрал ключи и позвонил.

Дверь открылась через несколько секунд. На пороге стоял Костя.

– Привет. – Сын скептически оглядел его и, не говоря больше ни слова, ушёл в свою комнату.

– Здравствуй, сынок, – Семёныч тихо ответил вслед уходящему сыну, понимая, что такая реакция вызвана его нетрезвым состоянием.

«Что теперь? Мне оправдываться? Я, между прочим, работаю и имею право». Он поставил сумку на пол, снял кожаную куртку, ботинки и подошёл к телефонному аппарату, стоявшему в коридоре на специальной тумбочке.

Набрал по памяти телефон больницы и, навалившись на дверной косяк, стал ждать ответа.

– Здравствуйте. Соедините, пожалуйста, с реанимацией...
Здравствуйте, Счастливец беспокоит. Володя, ты? – Семёныч узнал врача-реаниматолога, которому он сегодня сдал больного. – Как там мой больной? Дементьев, кажется? Сегодня часа в четыре утра тебе привезли... Живой? Ну слава богу. В сознание пришёл? – Семёныч обрадовался и ещё несколько минут расспрашивал коллегу о состоянии больного.

Ради таких минут он и жил. Не думая о смысле жизни и её хрупкости, он просто делал свою работу. Сотни, тысячи раз выводя мужчин и женщин из клинической смерти, Семёныч убеждался, что правильно выбрал себе путь. Больше всего на свете он любил на вызове сесть у кровати больного, снять ЭКГ, послушать пульс, измерить давление и, убедившись, что всё в порядке, просто сказать: «Всё у вас хорошо».

Семёныч положил было трубку, но, подумав, снял ее снова. Он достал из кармана визитную карточку, которую ему дал Казаков, и набрал номер.

– Гена, это я. – Ему было неловко, и он перетаптывался на месте. – Нет, ничего не случилось. Всё хорошо. Спасибо тебе за всё, но я не смогу пойти к тебе. Да, ты прав, кто-то ведь должен делать эту работу. Пусть это буду именно я.

Он положил трубку и прошёл на кухню. Жена Наташа сидела за столом и ждала его.

Она была в пёстром домашнем платье, шерстяной шали поверх и смешных меховых тапках. «Так и не дали отопление. Неужели нельзя включать батарею, когда только наступают холода, а не тогда, когда половина района простудится?» Семёныч подошёл к жене и поцеловал в щёку.

– А ты почему не на работе?

– А ты не помнишь? – Наталья учуяла запах алкоголя и поморщилась. – Я сегодня специально взяла отгул. Мы договаривались поехать и купить мебель для кухни.

– Какую ещё мебель? – Семёныч искренне не понимал, о чём идёт речь.

– Приваловы переезжают и продают ненужную им мебель. Я договорилась, что они подождут до сегодняшнего дня и отдадут нам её почти даром. – Наталья перешла на тихий монотонный шёпот, говоривший о том, что через мгновение произойдёт взрыв.

– Сейчас поедем, какие вопросы? – Семёныч начал что-то припоминать, но покупка мебели была настолько ничтожным событием, что в памяти практически не отложилась.

– Куда ты поедешь? – Наталья подошла вплотную к мужу, ухватила за грудки и потрясла. – Ты на себя посмотри. У тебя смена когда заканчивается? Я тебя жду уже три часа. Где ты был, я не спрашиваю, я и так вижу. – Она махнула рукой и отвернулась.

– Натусь, я Генку Казакова встретил. Помнишь его? Который с папашей своим стоматологией занимался.

– Ты каждый день кого-нибудь встречаешь. Можно хоть один день, о котором мы заранее договорились, провести, как я хочу? Это мне одной нужно? Ты посмотри, что у нас на кухне! Как мы живём! Скоро не только тараканы, а собаки к нам будут ходить.

– Помнишь, как у Довлатова? «Через эти щели ко мне в дом заходили бездомные собаки». – Семёныч засмеялся, а Наталья бессильно опустила руки. – Не сердись. Я с часик посплю, и мы поедем. Машина здесь, в гараж идти не нужно.

– Слава богу, а то ты бы и в гараже своём опять застрял. – Наталья несколько смягчилась, и, видя это, Семёныч продолжил рассказ о сегодняшней встрече.

– Случайно его встретил, Генку. Я на остановке стоял, а он мимо проезжал и меня увидел.

– Это который у пенсионеров коронки золотые выменивал, а потом им же вставлял? – Наталья подошла к плите и включила газ, уже в пятый раз разогревая мужу завтрак.

– Да, он теперь крутой. Возил меня в свою клинику. Работу предложил.

– Работу? – Наталья застыла с куском рыбы на деревянной лопатке и вопросительно посмотрела на мужа.

– Да, процедуры с лазером продавать. Вернее, не продавать, а делать, но с этого иметь свой процент.

Семёныч сел на табурет возле кухонного стола и взял из хлебницы кусок хлеба.

– Что конкретно делать-то надо будет? – Наталья положи-

ла рыбу на тарелку и поставила её перед мужем.

– Мы конкретно не разговаривали. Он сказал, оклад большой и проценты с лазерных процедур.

Наталья села рядом на табурет и с интересом стала спрашивать дальше:

– Какой график? Наконец нормально высыпаться будешь. Не сутками же? Там у них есть стационар?

– Наташ, я отказался.

Вдруг засвистел чайник. Наталья встала и подошла к плите. Взяла пакетик чая из коробки, положила в чашку и залила кипятком.

– Но почему? – Она поставила чашку на стол и с удивлением посмотрела на мужа.

– Ты знаешь... – Семёныч положил в чашку три куска сахара, помешал ложкой и отхлебнул, чуть прищурив глаз. – Вот, нормальный чай из нормальной чашки. Генка поил меня непонятно чем.

– Я вижу, чем он тебя поил. Так почему ты отказался? – Наталья снова села на табурет.

– Ты знаешь, всё вроде там у него хорошо, чисто, мрамор везде. Но как будто не клиника, а банк. Презентации все эти, прайсы. Не лечение, а торговля.

– Как в банке? То есть на железной дырявой кушетке спать, сутками работать – это нормально. А как в банке – это плохо?

– Послушай. – Семёныч встал из-за стола и начал ходить

по крошечной кухне. – Я, в конце концов, сам решаю, где мне работать, а где – нет.

– Решаешь сам, да. Но живи тогда один. О семье ты не думаешь, хоть о себе тогда подумай. Не мальчик уже.

– А я как раз не о себе думаю, а о людях, которых спасаю. Мы сегодня под утро двадцать семь минут мужика реанимировали. И спасли! – Семёныч залпом допил свой чай. – Я клянусь тебе, что думал над этим предложением. Всю дорогу думал. А вот сейчас пришёл домой, позвонил в кардиоцентр, куда мы его привезли. Мужик ожил, и это я его спас, я его с того света вытащил. И как ты считаешь, могу я это всё бросить?

– Двадцать семь минут? Что у него? Инфаркт? – Наталья с интересом подалась вперёд. Она тоже была врачом, и ей всегда были интересны случаи из практики мужа, более живые и критические, чем у неё в больнице.

– Ты представляешь, хорошо, что он при нас крякнул. Приехали. Он вроде бы ничего, разговаривает, сердце, говорит, давит. Я сразу ЭКГ. Вижу обширнейший инфаркт. Я говорю, давайте тихонечко собирайтесь. Поедем в больницу хорошую, полечим вас. А он разволновался что-то, засуетился – и хряп. Вытащили его. Веня мой молодец, всё четко, грамотно делал.

– Ладно, устал ты, плохо выглядишь. Иди сейчас поспи пару часов, а потом поедем. – Наталья провела рукой по его щеке, поправила причёску, со вздохом поднялась с табурета

и принялась мыть посуду.

– Но ты представь каково?! Сорок пять тысяч оклад и ещё проценты. Это ведь с доходов нужно платить? Значит, идут люди, платят. А мы вот бесплатно лечим. И хорошо лечим.

Наталья отвлеклась от раковины, с укоризной посмотрела на мужа, не сказав ни слова, махнула рукой и продолжила мыть посуду.

– Полторы тысячи долларов оклад – и ты отказался? – на кухню вбежал Костя.

– Я не знаю, сколько там долларов, но сорок пять мне предложили. И да, я отказался. А что тебя удивляет? Я хороший врач, и меня ценят.

– Нет, нет, постой. – Костя сел на мамин табурет и вплотную пододвинулся к отцу. – Я не про то, какой ты врач. Тебе предлагают зарплату почти в четыре раза выше, чем сейчас, возможность работать в крутой клинике, а ты отказываешься. Я, честно, вас понять не могу, вы все говорите, что работать тяжело, платят мало, а тут сами отказываетесь от такого шоколада?

– Ты что раскричался? – Семёныч возмущённо переставил пустую кружку, подсознательно расчищая путь к своему оппоненту. – Это моя работа, и это я решаю, как мне поступать. Вот выучишься – и иди работай куда захочешь, я тебе слова не скажу.

– Это всё понятно. Ты сам решаешь, тебе на других плевать. Но мне просто интересно понять причины. – Костя раз-

горячился, и капельки пота выступили на его висках. – Тебе лень, страшно, неохота или что?

– Что значит лень? Я уже двадцать пять лет на скорой. Ты считаешь, я там балду пинаю?!

Но сын не отступил:

– Вот я понимаю ситуацию так: если я, например, футболист, с детства воспитывался в «Спартаке», потом играл за их молодёжку, потом в основной состав попал. Понятно, что «Спартак» меня вырастил и я ему многим обязан. Но если меня вдруг приглашает к себе «Реал Мадрид», я не имею права отказаться. Ведь это признание моего уровня. Каждый должен расти. И дело тут даже не в деньгах. Я честно не понимаю. Ты вообще думаешь о карьере, о своём росте профессиональном? Есть у тебя мечта? Или как идёт, так и идёт?

От возмущения у Семёныча в глазах потемнело.

– Какой «Реал Мадрид»? Какой уровень? – Он вскочил с табурета. – Сделали красивую вывеску и впаривают людям ненужные им услуги. Уровень – это и есть «Скорая. Медицинская. Помощь», – отчеканил он по отдельности, вбивая слова в пол и стены кухни. – Ты знаешь, что такое три кнопки?

Наталья закончила мыть посуду и села на табурет мужа. Она и сын смотрели снизу на Семёныча, удивляясь такой не свойственной ему жёсткой и эмоциональной позиции. Не дождавшись ответа, Семёныч продолжил:

– Три кнопки – это ноль один ноль два и ноль три. Это не

просто номера телефонов. Это – служба спасения. И когда я начинаю свою смену, я беру под охрану город. Ты это понимаешь?

– Какое спасение? Что ты мелешь? – Костя посмотрел на мать, ища поддержки, но та лишь наблюдала, сохраняя нейтралитет. – Посмотри вокруг. Ты же ничего не видишь. Смену закончил, бухнул, поспал и снова на смену. – Копируя отца, Костя вбивал слова, стуча пальцем по кухонному столу. – Нет уже давно никаких кнопок. В милицию никто не звонит. Звонят авторитетам. В скорую не звонят, а сами едут в нормальные частные клиники. Только пожарные, наверное, действительно нужны. Кроме них, пожар никто не потушит.

Семёныч вдруг резко погрузился, прислонился к дверному косяку.

– Сынок, сынок... всё-то вы сейчас знаете, умеете. Но ты не прав. И я не могу тебе этого объяснить. Дай бог, чтобы ты это понял. – Он замолчал и непроизвольно начал мять грудную клетку слева, чуть щурясь от боли.

Наталья, молча с укоризной посмотрев на сына, поднялась с табурета, подошла к мужу и обняла его.

– Всё, давай иди спать. Я тебе принесу чай в комнату. Поставь будильник и ложись. Я сейчас дойду до мамы, отнесу ей продукты. Ты, как проснёшься, звони туда. – Она чуть подтолкнула Семёныча к выходу из кухни, осторожно проведя ладонью по его спине.

Он ушёл, и на кухне повисла тяжёлая тишина. Мать и сын

молчали, но неловкость и неприятность ситуации ощущалась и без слов.

– Ты считаешь, я не прав? – первым не выдержал Костя.

– Может, и прав. Какая разница? Но это твой отец, какой бы он ни был. И он будет всегда за тебя, даже если ты не прав. Подумай над этим.

Наталья молча заварила ещё одну кружку чая и понесла мужу.

Прошло не более пяти минут, а он уже спал. Наталья поставила чай на столик у дивана, осторожно сняла с мужа очки, вытащила белый том Джеймса Хедли Чейза из-под сцепленных на животе рук и на цыпочках вышла из комнаты.

Часть 3. Костя

Глава 3.1

Костя дотянулся рукой до тумбочки и взял свои часы. Люминесцентные стрелки показывали 2:45. Он ворочался уже два часа и никак не мог уснуть. Глаза слипались, но провалиться в сон не удавалось.

У Кости была особенность, которую он называл «предохранитель». Когда случалось что-то плохое – лезли тревожные мысли или надвигалась какая-то угроза, – он засыпал мгновенно. Он вдруг вспомнил, как однажды уснул на диване, когда мама, вернувшись с родительского собрания, устроила ему взбучку. Он просто сидел и слушал, как мама, срываясь на крик, перечисляла все его злодеяния, о которых ей рассказали учителя. Косте было очень неприятно слушать все эти обвинения – некоторые были откровенными наговорами, – но он не возражал, а просто молча слушал, опустив голову. Через несколько минут он уснул, чем привёл маму в совершенное отчаяние.

И наоборот, если он ожидал чего-то хорошего, если завтра предстояло интересное путешествие или долгожданная встреча, он не мог уснуть, заранее переживая предстоящие события.

Завтра, вернее, уже сегодня в 10:00 он должен явиться на собеседование к Борису Викторовичу, поэтому проснуться нужно не позже восьми. Выезжать – минимум за полтора часа, а ещё учесть время на сборы. Офис «Орбиты» находился в промышленной зоне города, где километрами тянутся склады небольших производственных предприятий и торговых фирм. Добираться туда непросто. Попытки уснуть, прибегая к традиционным способам подсчёта овец, не помогали – возбуждение было сильнее усталости.

Костя проворочался до четырёх утра и, поняв бесперспективность народных способов борьбы с бессонницей, встал с кровати.

«Сейчас, наоборот, главное – не уснуть». – Он чувствовал, что сон ходит где-то рядом, просто они никак не могут встретиться. Костя принял холодный душ и растёрся жёстким полотенцем. Стало чуть легче, появилась бодрость, и захотелось есть.

Родители ещё спали. Костя прокрался на кухню. Поставил чайник, предварительно выкрутив свисток.

Он приготовил яичницу, заварил чай и сел за стол. Снова погрузился в размышления: «Какое может быть тестирование на должность торгового представителя? Русский язык, математика, английский язык? Готовиться уже нет смысла. Нужно просто успокоиться и настроиться на победу».

Щёлкнул тостер. На стол выпрыгнули два куса подгорелого хлеба. Костя разрезал лопаткой яичницу на две части,

положил каждую часть на кусок хлеба и накрыл листиками салата. Завтрак и чай делали своё дело. Вместе с сытостью приходил и сон. Даже пластиковая пружина от настенного календаря, впившаяся в затылок, не помогла сломить сопротивление. Костя сделал глоток чая, поставил чашку на стол и прикрыл глаза.

Его разбудили голоса родителей. «Странно, куда они так рано встали?» Костя взял чашку. Она была холодной.

– Серёжа, я ушла. Не забудь, сегодня придёт сантехник. – Мама хлопнула входной дверью. Костя услышал стук её каблучков. Через несколько секунд лифт проскрежетал и ушёл вниз.

Костя поднял голову, посмотрел в окно и замер, по спине пробежал холодок: «Уже светло, я проспал!» Вскочив, он побежал в комнату за часами. Стрелки показывали 9:00.

Костя бросился в комнату родителей и включил утюг. Метнулся к себе: одни брюки были ему малы, другие не нравились. Наконец выбрал третьи и бросил на плечо. Схватил белую рубашку и пиджак. Со всем этим побежал к утюгу.

– У тебя экзамен? – спросил отец.

– Нет, – несколько раздражённо ответил Костя. – У меня самое важное собеседование в моей жизни, а я проспал.

Отец молча вышел из комнаты, а Костя начал гладить брюки и рубашку. Он закончил, когда на часах было уже 9:15.

Одевшись и повязав галстук, он успел схватить паспорт

«на всякий случай» и выбежал в коридор. Чистота чёрных полуботинок оставляла желать лучшего, и он помчался в кухню за тряпкой. Отчистил обувь от грязи и прошёлся сверху чёрной губкой. Теперь можно было ехать. Часы показывали 9:21. Шансы попасть на собеседование таяли на глазах. Добраться вовремя было почти нереально. Одно дело – доехать, а другое – найти нужный адрес.

Костя оглядел себя в зеркале, остался доволен и, взяв с холодильника ключи, открыл входную дверь.

В этот момент из комнаты вышел отец. Он уже был одет и держал в руках небольшую сумку.

– Ты куда? Мама сказала сантехника ждать, – напомнил Костя.

– Давай поехали, отвезу тебя. – Он легонько подтолкнул Костю.

Старенькая «четвёрка» баклажанного цвета была вычищена до блеска. Чёрная пластмассовая панель тщательно протёрта и покрыта каким-то блестящим воском, коричневые чехлы на сиденьях создавали уют, а смешная игрушка на зеркале заднего вида – врач в огромных очках и с фонендоскопом на шее – намекала на профессию владельца автомобиля.

– Тебе куда и во сколько нужно быть? – Отец осторожно повернул ключ зажигания и завёл мотор, но ехать не спешил. Нужно было дождаться, когда дрогнет стрелка, указывающая температуру двигателя.

– В городок строителей. Там есть база. Склады и офисное здание, – скороговоркой выпалил Костя.

– Понял. Поехали. – Семёныч выжал сцепление, включил первую передачу и, плавно нажимая на педаль газа, тронулся с места.

Часы на панели автомобиля показывали 9:30. На Костиных было 9:27. Он молча смотрел вперёд, нервничая на каждом светофоре.

– Не переживай. Успеем. Я знаю дорогу, где срезать. Через овощную базу. Водитель у нас на скорой всегда там ездит.

Костю приободрило спокойствие отца, но часы неумолимо отсчитывали минуты.

– Нужно ещё адрес найти, я там никогда не был. Этих баз чёрт знает сколько!

– Я за двадцать лет изучил почти все адреса в городе. – Отец ухмыльнулся и подмигнул сыну.

Костя продиктовал адрес, и отец сразу вспомнил, как приехал на вызов к молодому парню, у которого прихватило сердце прямо на работе:

– Представляешь, двадцать восемь лет, а уже инфаркт. И он на ногах его перенёс. Как они там все работают, эти менеджеры? Видимо, стресс у них постоянно.

– И что с ним стало? – заинтересовался Костя. Если он успеет сегодня, то сам через несколько лет будет двадцативосьмилетним менеджером.

– Да ничего, сняли кардиограмму, капнули кое-что и от-

везли в больницу.

Они подъехали к закрытым воротам овощной базы. Часы показывали 9:48. Отец посигналил, но никто не открывал. Он вышел из машины, встал на цыпочки и заглянул за забор.

– Михалыч? – Он, видимо, кого-то увидел и помахал рукой. – Открывай, свои.

Они въехали в открывшиеся ворота, притормозив около мужика лет шестидесяти.

– Михалыч, как ты? – Отец открыл окно и протянул руку.

– Живём потихоньку, не жалуемся. – Михалыч ответил рукопожатием и, чуть прихрамывая, пошёл закрывать ворота.

Проскочили базу и выбрались на разбитую дорогу, запруженную фурами, бульдозерами, бетономешалками, – поток разбивал наспех уложенные заплатки на асфальте и размывал песчаную обочину в вечных лужах и ямах.

Два километра ехали почти десять минут. В 10:03 отец остановил автомобиль возле четырёхэтажного стеклянного здания.

– Это здесь. Почти успели. – Отец, не глуша двигатель, переключился на «нейтраль» и нажал тормоз. – Давай беги, а я поехал домой встречать сантехника. Обрато доберёшься?

– Обрато хоть пешком, это уже неважно. Спасибо, пап.

Они подняли руки в прощальном жесте и разошлись.

Костя открыл дверь единственного в здании подъезда и наткнулся на турникет. Охранник в чёрных брюках и фор-

менной рубашке вопросительно посмотрел на него.

– Доброе утро. – Костя посмотрел на стенные часы. Они показывали 10:05. – Я на собеседование. – Он протянул охраннику свой паспорт.

– На вас пропуск не заказан. – Охранник ещё раз сверил данные Кости со списком и вернул паспорт.

– Смотрите внимательнее. – Костя начал нервничать, периодически посматривая на часы. – Счастливцев Константин.

Охранник молча помотал головой, давая понять, что про-верять ещё раз не имеет смысла.

«Конечно, он же не знает моей фамилии. Только имя». Костя убрал паспорт во внутренний карман пиджака и снова обратился к охраннику:

– Я договаривался лично с Борисом Викторовичем. У меня назначена с ним встреча. Позвоните ему, и он это подтвердит.

Охранник посмотрел на стену, где висел лист бумаги с напечатанными внутренними телефонами, взял трубку и набрал номер.

Послушав и что-то пробубнив, охранник повернулся к Косте:

– Говорят, что никакого Константина Счастливцева не знают. И тестирование уже началось. Ровно в десять.

Костя не ожидал такого ответа, поэтому растерялся. Его не помнят, тестирование уже началось – это провал!

Вдруг он опомнился и подошёл вплотную к охраннику, который всё ещё держал трубку в руке.

– Дайте мне трубку, я сам с ним поговорю. – И, не дожидаясь ответа, выхватил её у охранника.

На другом конце провода тонкий женский голос повторял.

– Алё, вы меня слышите?

– Девушка, доброе утро. Мне очень срочно нужен Борис Викторович.

– Доброе утро. Сейчас его нет. Он ушёл проводить тестирование. Вернётся в 10:30.

– Послушайте, он меня лично пригласил на собеседование. – Костя посмотрел на часы – 10:10. – Уже пятнадцать минут я стою здесь и объясняю охраннику, что меня нужно пропустить.

– Но на вас не выписан пропуск. Никаких указаний по поводу вас Борис Викторович не оставлял.

– Да потому, что он не знает моей фамилии! – Костя перешёл на крик. – Вчера мы встретились с ним в университете, и он пригласил меня на тестирование. Вы издеваетесь надо мной? Лично декан факультета присутствовал при этом. Может быть, мы сейчас ему позвоним?

Девушка помолчала пару секунд и невозмутимым голоском попросила Костю:

– Передайте, пожалуйста, трубку охраннику.

Тот взял трубку, выслушал девицу, неторопливо сел за стол, попросил у Кости паспорт и начал медленно заполнять

пропуск.

Костя следил за движением дешёвой шариковой ручки, удивляясь, что сорокалетний охранник пишет со скоростью первоклассника. Как только тот дописал и принялся проверять написанное, Костя выгнулся и выхватил небольшой жёлтый листочек из его рук. Он навалился на турникет, но тот не поддавался. Охранник, ещё медленнее, чем писал, демонстративно нажал на большую зелёную кнопку на пульте. Костя проскочил турникет, краем глаза посмотрев на настенные часы – 10:14.

– Третий этаж. Лифт справа! – крикнул охранник вдогонку.

Огромная толстая тётка с короткой мальчишеской стрижкой сидела за стойкой и, как только Костя влетел в офис, тонким девичьим голоском спросила:

– Константин, это вы?

Костя сначала опешил, но потом, оценив метаморфозу и весело хохотнув, сказал:

– Проводите, пожалуйста, к Борису Викторовичу. Я очень спешу на тестирование.

Тётка посмотрела на настенные часы в виде планеты Сатурн, приделанной к квадратной табличке с надписью «ООО “Орбита”. 10 лет, полёт нормальный...». Часы показывали 10:16.

– Молодой человек, тестирование длится ровно тридцать минут. Вы уже пропустили больше половины.

– Спасибо, я разберусь. Просто отведите меня туда, – уже спокойно, с улыбкой сказал Костя.

Тётка шумно встала и пошла по коридору. Костя отправился следом. Тётка постучала в третью дверь и открыла её, просунув внутрь голову и грудь. Костя заглянул поверх и заметил Бориса Викторовича, присевшего на письменный стол перед аудиторией, где за отдельными столами сидели соискатели на должность торгового представителя и писали тест.

– Борис Викторович, тут какой-то молодой человек к вам прорывается, – начала объяснять секретарша.

Борис Викторович увидел Костю и махнул ему рукой.

– Костя, заходи. Я жду тебя.

У Кости радостно забилося сердце – вспомнил! Он подошёл к Борису Викторовичу и протянул руку. Тот крепко пожал её и, самодовольно улыбаясь, произнёс:

– Молодец, всё-таки пробрался. Правда, поздно уже, но, может, и успеешь. – В этот момент они оба посмотрели на свои наручные часы. Костины показывали 10:17.

– Бери задание, садись. – Борис Викторович кивнул на небольшую стопку листов, повернутых пёстрой «рубашкой» кверху.

Костя молча взял из середины один из листов и пошёл к свободному столу. Он снял часы и положил их на стол перед собой. Затем бегло прочитал весь тест: «В принципе, ничего сложного. Математические, логические задачи».

Он оглядел соседей. На столах у каждого был только один

лист формата А4 с заданиями и шариковая ручка. Ни черновиков, ни калькуляторов не было. Он похлопал себя по пиджаку в поисках своей счастливой ручки, порылся во внутренних карманах, но ничего не нашёл, кроме паспорта.

– Эй, друг, привет, – шёпотом обратился Костя к соседу, у которого на столе лежало несколько одинаковых ручек.

Сосед оглянулся, посмотрел на Костю, но ничего не ответил.

– Тебя как зовут? – не отступал Костя.

– Максим Постников, – с наигранным достоинством ответил сосед.

– Не одолжишь ручку? Я свою забыл. – Костя протянул руку, надеясь сразу получить то, что просил.

Максим Постников был очень худым и высоким. Русые волосы были уложены в идеальный пробор. На нём были серые брюки, а старомодная сорочка с острыми концами воротника была застёгнута на все пуговицы. «Странно, почему он без очков?» – подумал Костя, изучая Максима.

Тот презрительно посмотрел на Костю, подумал пару секунд и передал ему одну из своих ручек:

– Не забудь вернуть, – проговорил он и вернулся к тесту.

Часы показывали 10:22. Костя внимательно прочитал первое задание:

«Вы продаёте продукт по первоначальной стоимости 180 рублей, включая НДС 20 %. Данная цена сложилась исходя из наценки 50 % на товар без НДС. Вопрос: какую макси-

мальную скидку вы можете дать клиенту, чтобы удовлетворить условию: наценка должна остаться на уровне 20 %?

Варианты ответов:

- 20 %;
- 33,3 %;
- 35 %».

Костя ещё раз внимательно прочитал задание. Как решать, было понятно. Он даже ухмыльнулся про себя, оттого что ничего сложного здесь не было. Но как только он принялся за решение задачи, то сразу понял, в чём сложность задания: «Все эти задачки каждый решит верно с вероятностью 90 %. Но в отсутствие черновика, калькулятора и в условиях жесточайшего цейтнота сделать это практически невозможно. Поэтому тут всё так строго со временем. Тест на то, как ты умеешь соображать в стрессе».

Костя оставил свои размышления и сосредоточился на задаче. Сначала из 180 рублей нужно убрать НДС. У него получилось 150, и он записал эту цифру у себя на ладони.

«Дальше нужно найти себестоимость товара. Если 150 с наценкой 50 %, то себестоимость равна 100 рублей. С наценкой 20 % – 120. Прибавим НДС – получилось 144. Остается посчитать, какая скидка должна быть, чтобы со 180 получилось 144. Всё элементарно».

Костя застопорился на этом простом вычислении. В уме сосчитать не получалось, посторонние мысли мешали сосредоточиться. Он исчеркал всю ладонь, пока у него не получи-

лось 20 %.

Такой вариант был, и он с радостью обвёл кружком нужную букву. Костя потёр руки и приступил ко второму заданию. Всего их было десять. «По три минуты на задание, – подумал он и посмотрел на часы – 10:28, – это крах. Успеть сделать уже невозможно!»

У Кости оставались микроскопические шансы, что он угадает ответы. Он принялся наугад обводить ответы в заданиях, пытаясь понять логику чередования правильных ответов. А, Б, Б, А, В и так далее.

Вдруг громко зазвенел будильник. Все посмотрели на Бориса Викторовича, а он, вскинув руку, – на свои огромные часы.

– Всё, господа, время вышло, 10:30. Сдаём работы. – Борис Викторович встал со стола и сел в чёрное офисное кресло.

К столу потянулась очередь из соискателей. Костя уныло взял свой лист и поплёлся вслед за довольным Максимом. Тот на ходу просматривал своё задание, Костя заглянул из-за его плеча, надеясь списать ответы. Но задания были другие, и шансов больше не оставалось.

Соискатели толпились у стола, почти все забыли подписать работы. Костя ещё раз заглянул в лист Максима и фамилии в нём не увидел.

Максим положил в стопку свой лист и сразу поспешил из аудитории. Костя положил свой лист сверху и через мгнове-

ние громко сказал:

– Чёрт, фамилию забыл написать.

Незаметно прихватив и лист Максима из стопки, он отошёл в сторонку и быстро подписал оба задания. На своём листе он написал «Максим Постников», а на листе Максима – «Счастливец Константин».

Сдав оба листа, Костя вышел из аудитории. Через несколько минут в коридоре появился Борис Викторович:

– Всем спасибо. Подождите здесь. Через десять минут я сообщу, кто допущен к собеседованию.

Он удалился в другую комнату, а соискатели начали растекаться по коридору с пластиковыми чашечками кофе и шоколадными батончиками.

Все заметно нервничали. Лишь Максим Постников спокойно стоял, вытянувшись у стенки. Кофе он не пил, а сложив руки по швам, степенно ждал результатов тестирования.

Ровно через десять минут вышел Борис Викторович, держа в руках маленький жёлтый листок из канцелярского записного блока.

– До собеседования допускаются шесть человек: Иноземцев, Перминов, Иванов, Счастливец, Абрамцева и Соболев. Остальным спасибо. – Он чётко прочитал ещё раз фамилии и удалился.

Костя не мог поверить. Он прошёл. Радость от этой первой победы он не смог скрыть и трижды кулаком, как молотом, стукнул по стене. И только сейчас заметил, что держит

шариковую ручку Максима. Костя подошёл к нему и тихонько хлопнул по плечу:

– Держи, спасибо за ручку.

Максим, не глядя на него, уставившись в пол, взял ручку, другой рукой сжав целую связку прозрачных китайских ручек, стянутых жёлтой резинкой.

Глава 3.2

Костю вызвали последним. С каждым из соискателей беседовали по тридцать минут, всё это время пришлось ждать в холле.

Наконец входная дверь в аудиторию открылась и предпоследний кандидат вышел.

В аудитории, поставив стулья полукругом, сидели три человека. Борис Викторович расположился в центре. Слева от него был маленький, худой мужчина лет тридцати пяти, но уже седой. На правом безымянном пальце у него красовалось массивное обручальное кольцо из белого золота с небольшим бриллиантом. Справа, с огромным блокнотом и карандашом, ровно держа спину, сидела симпатичная девушка.

Напротив троицы стоял стул с небольшой откидной полочкой, на которой стояла бутылка с водой.

Борис Викторович указал Косте на свободный стул и, когда он сел, начал собеседование:

– Константин Счастливец, – объявил Борис Викторович, заглянув в свой «наладонник», – поздравляю, ты успешно прошёл тестирование. Сейчас мы начнём второй этап конкурса – собеседование. – Он показал свой гаджет соседу слева.

– Спасибо, я готов. – Костя глотнул воды из бутылки и

оставил её в руках.

– Дмитрий. – Борис Викторович указал на седого мужчину. – Руководитель группы торговых представителей. – Нина. – Он перевёл взгляд в другую сторону. – Наш психолог и руководитель обучающих программ. Меня зовут Борис Викторович. Я являюсь одним из учредителей и коммерческим директором компании.

– Константин, очень приятно. – Костя улыбнулся Нине и, положив ногу на ногу, откинулся на спинку стула.

– Мы проводим собеседование кандидатов на должность торгового представителя. – Борис Викторович уже шестой раз повторял одну и ту же вводную фразу и сейчас проговорил её устало и без энтузиазма. – Наша компания занимается дистрибуцией почти пятидесяти производителей, включая крупнейшие транснациональные компании, такие как «Проктер энд Гэмбл», «Хенкель», «Юнилевер», «Колгейт-Палмолив» и многие другие.

Мы являемся лидерами в нашем регионе по обороту и по портфелю продуктов. В данный момент руководство компании приняло решение проводить географическую экспансию, охватывая новые территории в ближайших областях, в связи с этим отдел продаж расширяет штат сотрудников. Если у тебя есть какие-то вопросы о нашей компании, я отвечу на них. – Борис Викторович закончил вводную часть и убрал «наладонник» во внутренний карман пиджака.

– Я ознакомился со всей информацией, которая была раз-

мещена на стендах в холле. Меня очень вдохновили ваши цели и миссия. Я хочу работать именно в вашей компании, и детали для меня не так важны, – Костя проговорил это для Бориса Викторовича, успев улыбнуться Нине. – Знакомство с «Орбитой» прошло в стенах моего университета, и то, что наш декан лично начал эту встречу, конечно, вызывает доверие.

Бориса Викторовича не сильно вдохновил Костин реверанс. Со скучным видом он опять достал свой мини-компьютер и начал тыкать в нём стилусом.

Нина поправила свои огромные очки, кашлянула и взяла инициативу в свои руки:

– Константин, вы сейчас являетесь студентом. Опыта работы у вас нет, и впереди учёба. Как вы планируете совмещать работу и учёбу, не имея опыта?

– Я учусь на последнем курсе. Осталось совсем немного, и я буду специалистом с высшим образованием в области экономики и коммерции. – Костя подался вперёд. – А что касается опыта: я с семи лет что-то продаю. И если у вас есть, как я понял, обучающие программы, я быстро научусь всему, что необходимо.

Нина удовлетворённо кивнула и записала что-то в блокнот. Дмитрий, перебирая бумаги, вдруг поднял голову и спросил у коллег:

– Не могу найти его анкету. Она не у вас?

– Анкеты нет. Константин здесь по моему приглашению.

Анкету он заполнит позже. – Безапелляционность тона Бориса Викторовича не давала Дмитрию возможности возразить, и он, чуть поморщившись, обратился к Косте:

– Ну, раз вы попали сюда вне процедур, тогда расскажите, пожалуйста, сами: кто вы? Где учитесь? Какой опыт в продажах и так далее...

Костя почувствовал неприязнь со стороны Дмитрия. Его и самого раздражал этот тип, особенно манера постоянно вскидывать голову, смахивая волосы с лица. Он думал: «Нормальный мужик всегда должен быть подстрижен коротко. Ну или, наоборот, с очень длинными волосами, если он рокер или панк. А вот эта длина – женская».

– Меня зовут Счастливец Константин. Двадцать два года. Студент пятого курса Государственного университета управления. Факультет менеджмента и маркетинга, специальность «коммерция». Родители – врачи.

– Вы где-то уже работали? – Дмитрий закинул ногу на ногу, взял планшет с анкетами, вставил чистый лист сверху и начал писать. Не поднимая головы, продолжил: – Вы только что сказали, что продаёте с семи лет. Расскажите об этом.

– Да, я работаю с третьего курса. Сначала был крупье в казино, потом заместителем управляющего.

Борис Викторович с любопытством взглянул на Костю:

– Интересно. Можно обыграть казино?

– Есть одна поговорка в игорном бизнесе, – Костя ухмыльнулся. – Хочешь обыграть казино – купи его.

Борис Викторович улыбнулся и молча развёл руками.

– Этот опыт вряд ли вам пригодится, скорее, наоборот. Расскажите о ваших продажах. – Дмитрий всё не унимался.

В каждом его слове Костя чувствовал подвох и желание задеть. «Нужно держаться Бориса Викторовича и Нины, а этого типа надо осаживать».

– Почему не пригодится? Чем разностороннее опыт, тем лучше для хорошего продавца.

– Главное, чтобы он не начал играть в рулетку с нами, – не преминул вставить Дмитрий.

Костя заметил, что, когда говорил Дмитрий, у Бориса Викторовича менялось лицо и ходили желваки. С его импульсивностью скрыть недовольство было невозможно. Дмитрий знал об этом, и от этого его ехидство только усиливалось. Нина же молча наблюдала и не вмешивалась в противостояние своих коллег.

– Я считаю, что мой опыт работы в казино... – Костя посмотрел на Бориса Викторовича. – Идеально подходит для торгового представителя. – Заручившись одобрительным кивком директора, Костя прямо взглянул на Дмитрия. – Поскольку он даёт огромный опыт общения с совершенно разными людьми и опыт сглаживания конфликтных ситуаций.

– Я думаю, люди там не разные, а примерно одинаковые, – не сдавался Дмитрий. – Бандиты, воры, люди, желающие разбогатеть ни на чём, женщины лёгкого поведения.

– У вас превратное представление о казино. – Костя глотнул воды и спокойно продолжил: – Это не рассадник криминала, как многие думают. Это такое же развлечение, как ресторан или театр. И если бы там было что-то ужасное, государство запретило бы подобные заведения. – Решив не продолжать больше спор, Костя сменил тему: – А продажами я действительно начал заниматься в семь лет. В свои первые в жизни летние каникулы.

– Очень интересно, расскажите, – попросила Нина, – вы где-то подрабатывали?

– Нет, я работал исключительно на себя. – Костя сделал паузу, обдумывая, с чего начать рассказ о его первом бизнесе. – Всё произошло совершенно случайно. Родители уехали на дачу, а я остался один дома.

– Родители оставляли вас одного в семь лет? – Нина начала «включать психолога».

– Да, но не на ночь, конечно. Хотя родители часто дежурили, и мне иногда приходилось ночевать одному или у бабушки.

Нина опять что-то записала. Костя, дождавшись, когда она поднимет голову, продолжил:

– Я помню, что смотрел фильм про Шерлока Холмса и меня поразила сцена, в которой мальчик такого же возраста, как и я, бегаёт по Лондону и с криками «Сенсация, сенсация!» продаёт газеты.

Борис Викторович поменял позу и заинтересованно на-

блюдал за Костей. Дмитрий не двигался, продолжая слушать.

– Я выключил телевизор и пошёл на улицу к киоску «Союзпечать». Больше часа я стоял рядом с ним, изучая ассортимент газет и наблюдая за тем, что покупают люди. – Костя чувствовал, что завладел вниманием всех троих, и стал рассказывать более эмоционально: – Я остановился на одной тоненькой газете. Она называлась «Экспресс-реклама». В ней были лишь телевизионная программа на неделю и несколько страниц частных объявлений. Я купил эту газету, посмотрел в конце адрес редакции и отправился туда.

– И вам было всего семь лет? – уточнила Нина.

– Я пошёл в школу в шесть, и это были мои первые летние каникулы. Семь мне исполнилось только осенью.

– И что было дальше? – спросил Борис Викторович.

– Дальше я заявился в редакцию и предложил продавать их газеты так, как увидел в фильме. Тогда ещё никто в нашем городе не продавал так газеты. Сначала они отказали мне, но потом я уговорил их дать мне пятьдесят газет взамен на моё свидетельство о рождении.

– И ты ходил по городу и кричал: «Сенсация, сенсация!»? – весело спросил Борис Викторович.

– Я ходил по городу целый день и не продал ни одной газеты. – Костя сделал трагическое лицо. – Когда стемнело, я понял, что потерпел поражение. Я дошёл до остановки, дождался своего трамвая и поехал домой.

Костя сделал многозначительную паузу. Никто не понял,

история с газетами закончилась или будет продолжение.

– Опыт есть, но он отрицательный, – подал голос Дмитрий.

Нина сняла очки и с надеждой посмотрела на Костю. Борис Викторович с интересом наблюдал за развитием событий.

– За четыре остановки я продал все газеты. Оказалось, что на улице они никому не нужны, а в транспорте газету покупал каждый третий, – Костя с гордостью продолжил свой рассказ, убедившись, что произвёл нужное впечатление.

– И сколько ты продавал газет в день? Сколько зарабатывал? – начал уточнять Борис Викторович.

– В киоске газета стоила один рубль. Я продавал также по рублю и половину отдавал редакции. В день я начал продавать около двухсот газет.

– Погоди, – заинтересовался Борис Викторович, – то есть ты зарабатывал сто рублей в день? Это в каком было году?

– Мне сейчас двадцать два, – Костя на секунду задумался, – значит, это было около пятнадцати лет назад.

Борис Викторович попытался вспомнить, что можно было купить на сто рублей пятнадцать лет назад, но с таким количеством деноминаций и повышений цен это было невозможно.

Нина с восхищением качала головой, а Костя всё говорил: – Через неделю я понял, что ограничен своим временем и больше продавать физически не могу, – он снова сделал

многозначительную паузу. – Тогда я собрал пацанов во дворе и распределил между ними маршруты троллейбусов и трамваев. Каждое утро я получал в редакции около пятисот газет и распределял их между продавцами, оставляя себе сто пятьдесят газет.

Костя закончил, и в аудитории повисла тишина. Дмитрий сменил ехидство на злобу, Нина с широко раскрытыми глазами ждала от Кости новой сенсации, а Борис Викторович, будто профессиональный физиономист, изучал его лицо.

– Я точно не помню, что можно было купить тогда на сто рублей, но до первого сентября, когда я пошёл во второй класс и вынужден был оставить свой бизнес, я заработал огромные деньги. Большую часть я отдал родителям, но для себя, не считая разной мелочи, я купил новый велосипед и компьютер. – Костя мечтательно запрокинул голову и посмотрел в потолок. – Он назывался «Компаньон-2», и игры нужно было загружать с магнитофонных кассет. Загружались они по полчаса и жужжали на всю квартиру.

– Bravo! Ты молодец! – похвалил Борис Викторович.

– Опыт интересный, но, как я понял, во взрослом возрасте вы продажами не занимались? Нигде не работали, кроме казино? – Дмитрий решил продолжить собеседование и, положив свои бумаги на пол, пошёл в наступление.

– С тех самых пор, как я продал первую газету, я не прекращаю заниматься бизнесом. Но вы правы. В трудовой книжке у меня только казино. Я могу рассказать ещё о моих

проектах.

– Нет, нет, не нужно, – перебил Дмитрий и хотел что-то сказать, но в разговор своим звучным баритоном вступил Борис Викторович:

– Мы целенаправленно запустили программу поиска молодых выпускников вузов экономических факультетов, чтобы самим растить себе кадры. Мы предполагаем, что выпускник не имеет опыта работы, но мы готовы сами его всему обучить. Ну а опыт – это дело наживное. – Борис Викторович сделал выразительный жест и, взглянув на Нину, закончил: – У меня вопросов больше нет. Нина, у вас есть вопросы?

– Да, вопросы есть, – Нина опять кашлянула и поправила очки. – Вы сказали, что бизнесом начали заниматься в семь лет и с тех пор это стало главным делом вашей жизни. Откуда взялась мотивация в таком возрасте? Неужели не хотелось, например, играть в футбол, бегать с друзьями во дворе?

Костя задумался. Это был непростой вопрос. Несмотря на то что ответ он хорошо знал и даже детально помнил тот самый момент, когда родилась эта мотивация, доставать снова из глубины все воспоминания не хотелось. Но он решился.

– Спасибо за вопрос, я отвечу. Мне было года четыре или пять. Я очень хорошо помню неприятный разговор между родителями. Я играл в комнате, а они разговаривали на кухне. Они ругались, и я всё слышал. Ругались из-за денег. Я говорил, что они у меня врачи. Они и сейчас живут очень скромно, а в те годы можно сказать, что мы голодали. И вот

мама очень неприятно говорила о том, что семье нечего есть, что у сына порвались единственные ботинки и нужно покупать новые и что нужно ещё много-много всего. Она была права, отец должен был, как глава семьи, обеспечить нам достойное существование. Но и он, врач-кардиолог, работающий сутками, имел право работать по призванию.

– Что вы чувствовали во время этого разговора? – Нина воспользовалась короткой паузой.

– Мне было очень неприятно, и уже тогда я твёрдо сказал себе: «В моей семье никогда не будет таких разговоров. Ни при каких обстоятельствах. Денег всегда будет столько, сколько нужно».

– Достойная цель. Главное, чтобы на пути к ней не потерять саму семью и то, что важнее денег. Или деньги могут быть добыты любым путем? – Нина пыталась вытащить из Кости самые сокровенные мысли.

– Бизнес есть бизнес. Имеет значение лишь прибыль. Единственные рамки, которыми руководствуется настоящий бизнесмен, – это рамки его моральных принципов.

Костя сказал это несколько высокопарно и как-то по-мальчишески, но, судя по общему молчанию и одобрителному кивку Бориса Викторовича, его поняли правильно. Лишь Дмитрий никак не мог смириться с тем, что рассказ Кости опять произвёл впечатление.

– Константин, то, что вы говорите, – утопия. Во-первых, есть закон. И это и есть рамки. А во-вторых, чтобы иметь

ограничения лишь в виде своей совести, нужно быть революционером, человеком без страха и осторожности. А для бизнеса это плохо. Вы ещё слишком молоды, чтобы это понимать. – Дмитрий самодовольно ухмыльнулся и, подняв брови, посмотрел на Костю, как будто вызывая его на словесный поединок.

Костя, не опуская глаз, смотрел на Дмитрия и молчал. Секунд через десять он вдруг резким пронзительным голосом издал короткий вопль:

– А-а-а-а!

После чего так же спокойно продолжил смотреть на Дмитрия. Тот съёжился ещё больше, его глаза выражали полное недоумение. Нина уронила шариковую ручку на пол и, не поднимая её, сидела, застыв и слегка побледнев. Борис Викторович сохранял невозмутимость, но было видно, что он не может понять, зачем Костя закричал.

– Я не сумасшедший. – Костя вдруг улыбнулся, отвёл взгляд от Дмитрия и повернулся к Борису Викторовичу. – Первый тренинг у бойцов – это уметь закричать. В любом месте, когда угодно, не задумываясь о последствиях. Если вы не можете просто закричать, то и революционером вам не стать.

Борис Викторович вдруг начал смеяться. Он хлопал в ладоши и смеялся. Затем ткнул кулаком в бок Дмитрия и сквозь смех проговорил:

– Что, испугался? – и начал смеяться ещё громче.

Дмитрий ничего не ответил, а лишь насупился и зашевелил желваками. Нина так и продолжала сидеть неподвижно. Красная шариковая ручка валялась на полу.

– Всё, Кость. – Борис Викторович перестал смеяться и уже ровным спокойным голосом сказал: – Собеседование закончено. Иди.

Костя встал и, поблагодарив всех, пошёл к выходу. Борис Викторович снова расхохотался.

Глава 3.3

В фойе пятеро кандидатов ожидали окончания собеседования.

– Ну как? Когда результаты объявят? – спросила девушка, одетая в строгий брючный костюм, с платком, повязанным на манер мужского галстука.

– Не знаю, – пожал плечами Костя, – ничего не сказали. Наверно, сейчас посоветуются и скажут.

Костя не волновался. Ему казалось, что собеседование прошло не совсем так, как хотелось бы, но упрекнуть себя он не мог. Он честно ответил на все вопросы. Подстраиваться под Дмитрия ему не захотелось, поэтому шансов у него, как он считал, было не так много.

Костя вдруг почувствовал, что очень устал. Растерев лицо, помассировал уши и сделал несколько лёгких упражнений руками: «Надо выйти на улицу, подышать».

У турникета сидел всё тот же охранник и смотрел в микроскопический чёрно-белый экран телевизора. Показывали какой-то индийский фильм. Костя подошёл к стеклянной будке. На экране началась драка между красавцем индусом и пятерыми бандитами. Охранник, видимо, мечтал сниматься в Болливуде, так как глубоко переживал схватку и даже пытался повторять некоторые жесты.

Костя переводил взгляд с телевизора на охранника, на-

блюдая за синхронностью движений актёра и охранника.

– Успел? – Охранник заметил Костю, не отрываясь от телевизора.

– Да, спасибо. – Костя чуть замешкался. – Извините, что нагрубил утром. Опаздывал. Висел на волоске.

– Норма-а-льно. – Драка в телевизоре сменилась музыкальным номером, и охранник повернулся к Косте. – Серёга. – Он протянул Косте крепкую мозолистую ладонь и, пожав ему руку, наконец улыбнулся: – Все эти боссы только понтуются, изображая из себя главных. Викторыч – он мужик. Остальные так... – Серёга пренебрежительно махнул рукой. – Я когда-то опером был на районе. Хорошим. Гонял их всех, – он хохотнул, но как-то грустно, – не сложилось. Теперь вот здесь.

На экране опять замелькали ноги и руки дерущихся, и Серёга, не говоря больше ни слова, повернулся к телевизору.

Костя вышел на улицу. Было ещё светло, но чувствовалось, что скоро вечер. Костя посмотрел на часы: «Почти шесть часов здесь». Он сделал несколько шагов в сторону и увидел на углу здания своих новых знакомых. Дмитрий и тётка с ресепшена курили, а один из соискателей стоял рядом, засунув руки в карманы, медленно покачивался – с пятки на носки.

Голосов не было слышно, но суть происходящего можно было себе представить. Тётка отчитывала Дмитрия, периодически переводя взгляд на парня. Парень с пренебрежени-

ем смотрел на Дмитрия и молчал, давая возможность тётке вылить весь свой гнев. Дмитрий оправдывался, иногда прижимая руки к груди, а иногда показывая куда-то вверх.

Косте даже стало жалко Дмитрия: «Если такая “красавица” пытается тобой руководить, и, судя по всему, успешно, что-то в жизни нужно менять».

Тётка докурила сигарету, щёлкнув пальцами, выстрелила окурком в урну. Не обращая внимания на Дмитрия, она повернулась к соискателю – полноватому парню, слегка похожему на неё, и, взяв его под руку, повела прочь. Дмитрий, обрадовавшись, что экзекуция закончилась, затушил о край урны свой окурочок, выбросил его и поплёлся в сторону офиса.

Костя не имел желания снова пересекаться с Дмитрием, поэтому, не дожидаясь его, вернулся в здание и, прыгая через ступеньку, добрался до нужного этажа.

Борис Викторович уже стоял в холле. Соискатели оглянулись на Костю.

– Константин, проходи в мой кабинет. – Борис Викторович кивнул Косте и обратился к остальным участникам: – К сожалению, сегодня вы не прошли, но каждый из вас останется в нашей базе и при открытии новых вакансий мы обязательно с вами свяжемся. Спасибо.

– Ну что, поздравляю. – Борис Викторович хлопнул Костю по плечу и предложил сесть.

Костя молчал. С чем конкретно его поздравляют, он не услышал, поэтому, всё ещё сомневаясь, ждал конкретного

ответа.

– Ты прошёл конкурс, и теперь нам можно обсудить условия работы. Если они тебя устроят, мы подпишем договор.

Костя молчал. До него постепенно начал доходить смысл слов Бориса Викторовича. Как только он чётко осознал свою победу, широко улыбнулся и с возгласом «Й-е-е-е-с-с-с!» ударил локтем воздух.

– Ты, конечно, всех удивил, – весело сказал Борис Викторович, – в твоей работе это пригодится.

Костя засмеялся в ответ, но Борис Викторович вдруг прекратил улыбаться и, взяв со стола маленький исписанный листок, посмотрел внимательно на Костю.

– Итак, мы готовы взять тебя на испытательный срок, который продлится три месяца. Если ты его пройдёшь, то мы берём тебя в основной штат. – Борис Викторович опустил взгляд на листок и начал зачитывать: – На время испытательного срока у тебя не будет оклада, только проценты с продаж. По каждой торговой марке процент разный. После прохождения испытательного срока у тебя появится оклад, эквивалентный трёмстам долларам, и увеличатся проценты за продажи. Также мы оплачиваем ГСМ и медицинскую страховку. – Борис Викторович сделал паузу, поднял глаза на Костю и спросил: – Если тебе нужно подумать, то у тебя есть время до завтра.

– Я согласен. – Костя вспомнил таблицу с выплатами процентов, которую показывал в университете Борис Викторо-

вич. Он был уверен, что справится и станет одним из лучших торговых представителей.

– Отлично. Я рад, что ты теперь с нами. – Борис Викторович привстал и протянул Косте руку.

Они обменялись рукопожатием.

– Теперь главный вопрос. Нам нужен торговый представитель с личным автомобилем. – Борис Викторович внимательно посмотрел на Костю. – Ты не заполнял анкету, спросить сразу я забыл.

– М-м-м, – Костя смутился и задумался, – права у меня есть, а с машиной я решу. Она у меня будет, – уже твёрдо пообещал он.

– Ну и отлично. Сегодня у нас четверг. – Борис Викторович посмотрел в открытый ежедневник на своём столе. – С понедельника уже нужно выезжать по маршруту. В девять мы начинаем с планёрки, поэтому ждём тебя в офисе.

Простившись, Костя покинул кабинет. «Ну как всегда. Халявы не бывает. Не успел порадоваться чуду, тут как тут облом».

У него не было автомобиля и денег, чтобы его купить. На решение этой проблемы было всего три дня, и пока он даже не представлял, что будет делать.

Костя прошёл мимо стойки и, не глядя на тётку, тихо проговорил: «До свидания». Боковым зрением он заметил неприязненный взгляд и повернулся. Тётка злобно смотрела на него, постукивая о стол массивным обручальным кольцом

из белого золота с крупным бриллиантом.

Глава 3.4

Костя возвращался домой на троллейбусе. Нужно было позвонить Ивану и встретиться. Вдруг они что-нибудь придумают вместе и появится идея, где взять автомобиль за такой короткий срок.

Через тридцать минут Костя уже подходил к дому. Дверь подъезда открылась, и на улицу вышли папа и мама. У папы за плечами висел чехол с акустической гитарой.

– Привет. Вы куда? – удивлённо спросил Костя.

– Мы записались в любительский музыкальный театр. Идём сейчас на знакомство и первую репетицию, – весело ответила мама.

– Куда-а-а? – не понял Костя. – Вам что, заняться больше нечем?

Папа пожал плечами.

– А ты как, сынок? – спросил Семёныч. – Всё успел?

– Да, всё хорошо, – ответил Костя.

– А я на этих ухабах колесо проколол, – хохотнул Семёныч, – полчаса ещё запаску ставил. Слава богу, что по дороге обратно. Иначе опоздали бы.

Мама вопросительно посмотрела на отца, а тот со словами «Нормально» махнул рукой. Она взяла его под руку, и они пошли к машине.

Костя подождал, когда они рассядутся, пристегнутся рем-

нями безопасности и тихо тронутся в путь.

«Хороший способ мама нашла для отца. Чаще ездит за рулём, меньше бухает».

Поднявшись в квартиру, Костя сразу же позвонил Ивану, но тот не ответил. Костя скинул ботинки, пиджак и прошёл к себе. На заваленном столе на глаза попала газета «Из рук в руки», и Костя, взяв ручку, стал изучать раздел «Транспортные средства».

Предложений было огромное количество. От старых раздолбанных «москвичей» «Иж» до только что при гнанных из Германии «мерседесов». Цены были на любой вкус, но Костя смотрел самые дешёвые. «В принципе, на какую-нибудь рухлядь можно наскрести». Он просматривал объявления за объявлением и убеждался, что дело не совсем безнадежное. Вопрос был только в том, как ездить на таком старье в далёкие маршруты. Но это не особо волновало Костю. Он морщился от мысли, что ему придётся подъехать к офису «Орбиты» на каком-нибудь ржавом «Иж-Комби» оранжевого цвета.

Костя обвёл красной ручкой несколько объявлений. Это были «жигули»: «пятёрки», «шестёрки», «семёрки» возраста от десяти до двенадцати лет. «Не бог весть что, но хоть не стыдно ездить начинающему коммерсанту». Но стоили они уже прилично. Ценник начинался от семидесяти тысяч рублей.

Костя выгреб все деньги из карманов и загашника. Тур-

ки своей победой заметно пополнили сбережения Кости, но после сюрприза для Насти его кубышка значительно уменьшилась.

Сосчитал, получилось 26 500 рублей. Этого не хватало даже на «Иж-Комби», не говоря уже о «жигулях».

Костя не расстраивался. Стартовый капитал есть: «Подняться в три раза – это сложно, но реально». Он сложил все деньги в задний карман брюк и снова позвонил Ивану: «Если он ушёл из дома, то уже надолго. Ждать нет смысла. Нужно постараться его найти».

У Кости было несколько вариантов, где мог быть его друг, и он начал с самого простого. Схватив пиджак и наспех обувшись, Костя выбежал из квартиры.

Иван жил в двух кварталах от Кости в четырёхкомнатной квартире. Такие «хоромы» когда-то выделили отцу Ивана как главе многодетной семьи и известному инженеру на ведущем оборонном предприятии области.

У Ивана было ещё три брата. Он был средний. Костина мама, вспоминая Ивана, качала головой, жалея его мать и причитая о нелёгкой судьбе «женщины с пятью мужиками».

Но жили они весело, часто ссорясь, хотя каждый из братьев всегда стоял горой за других.

Костю веселило то, как он звонил Ивану. Трубку брал кто-то из братьев и на просьбу позвать Ивана отвечал: «Сейчас посмотрю, дома ли он». Затем трубку клали рядом с телефоном и уходили искать брата. Продолжалось это долго.

Сегодня трубку взяла мама Ивана и сразу сказала, что его нет. Это означало, что Иван предупредил мать о своём уходе и ждать его не было смысла.

Иван частенько проводил время на крыше. Здесь его Костя и нашёл в компании трёх парней. Они сидели на пластиковых стульях вокруг водочного ящика, на котором лежал сложенный мольберт. Ярко светила переноска, устремив свой единственный луч в самую середину импровизированного стола.

Там и происходило самое важное. Игроки держали в руках карты, напряжённо вглядываясь в них. У каждого под рукой стояли бутылки пива.

Костя подошёл ближе. Поздоровался, но никто не ответил. Все были заняты игрой. По четырём картам у каждого и банку на столе Костя понял, что играют в храп.

Банк был огромным. Мятые купюры лежали кучей. На первый взгляд, там было около десяти тысяч.

Трое парней были частыми гостями на их крыше, но приходили играть только по-крупному, заранее договариваясь о встрече.

Иван тасовал карты. По тому, как он тихо кивнул, не поздоровавшись вслух, Костя догадался, что дела у него плохи – вены на лбу вздулись и русые волосы, влажные от пота, прилипли к голове. Руки чуть тряслись, хотя он был абсолютно трезв.

Иван закончил тасовать и раздал всем по четыре карты,

предварительно дав поднять правому от себя игроку.

Остальные были сосредоточены, но не подавлены. Молча взяв карты, они ждали, когда Иван выложит козырь. Карты каждый держал в сложенном виде, чтобы стоявший рядом Костя не мог их разглядеть.

Иван раздал карты и стал медленно вытягивать из колоды козырь. Вытянув, он резко перевернул карту. Это был бубновый туз.

– Принуждаю, – сказал дрожащим голосом Иван. Взяв себе туза и скинув лишнюю пятую карту, он положил карты на стол и взглянул на Костю.

Не говоря ни слова, Костя пожелал другу удачи, никак не выражая это на лице. Иван принял этот молчаливый посыл, взял карты, достал козырного бубнового туза и с силой бросил его на стол.

Со всех сторон к тузу полетели другие бубны. По правилам игроки обязаны были скидывать карты той же масти. Иван решил рискнуть. Если сразу вытащить всех козырей, то можно забрать все взятки, а значит, и весь банк. Но если у кого-то окажется несколько козырей, то для «храпующего» это полный крах.

Костя не видел другие карты Ивана, но одобрил его ход. На стол выкинули ещё три козыря: шестерку, десятку и вале-та.

Иван приободрился, прикусил губу и осторожно положил следующую карту. Это была бубновая дама. Козырный туз

вышел, значит, бить её сможет только бубновый король.

Костя весь сжался от возбуждения. Иван рисковал, но риск был оправдан: козырной дамой Иван должен выманить всех оставшихся козырей и взять свои минимальные две взятки из четырёх, организуя задел на то, чтобы взять все. Но если у кого-то окажется козырный король, то шансов у Ивана почти нет.

Игрок слева от Ивана кинул к даме бубновую семёрку. Следующий по кругу скинул пиковую шестёрку. Это значило, что козырей у него уже нет. Оставался ещё один игрок.

Подняв взгляд на Ивана, не смотря на карты, он медленно выложил на стол бубнового короля.

Костя зажмурился на секунду и отвернулся. За спиной он услышал тихий стон друга.

Когда Костя повернулся, игроки делили банк. Иван всё-таки умудрился взять ещё одну взятку и не попасть на штраф. Банк разделили пропорционально.

– Пора менять колоду, – сказал Иван бодрим голосом. Он не взял весь банк, который поставил сам, но чудом ушёл от краха. Если бы он взял только одну битую карту, то выставил бы штраф – двойной банк.

– Я с вами, – сказал Костя и пошёл за стулом. На этот раз все игроки обратили на него внимание и поздоровались.

Иван принёс из тайника новую колоду карт, а старую прибил гвоздём к огромной доске, которая служила ограждением для стойки с телеантеннами. Доска вся была утыкана ко-

лодами, прибитыми рубашками вверх. Почти все колоды были разными и создавали причудливый узор.

– Какие ставки? – спросил Костя, поставив свой стул рядом с ящиком.

– Ставим по сотке, – ответил Иван, распаковывая новую колоду.

Игроки достали из карманов по сто рублей и положили на стол. Началась игра. Играть в храп впятером очень рискованно, но тем игра интереснее. Никто не «храпел», и банк накапливался очень быстро. Прошло минут пятнадцать, но так никто и не пошёл ва-банк. На столе уже лежала приличная куча денег. По оценке Кости, около пятнадцати тысяч.

– Храп! – уверенно выкрикнул Иван в очередном розыгрыше.

– Чёрт, – кинул на стол карты один из игроков и встал.

– Поддерживаю, – откликнулся второй игрок.

Третий игрок и Костя тоже поддержали «храп» и поменяли некоторые из своих карт.

– Ловите. – Иван выложил на стол три старшие козырные карты. – Ну наконец и мой фарт пошёл. – Он зловеще рассмеялся и стал смотреть за реакцией игроков.

Остальные понуро скинули своих козырей, надеясь, что случится чудо и они возьмут взятку на последнюю карту.

Костя смотрел в карты и не верил своим глазам. На руках был пиковый король. Точно такого Иван только что выложил на стол.

Кто-то вбросил в колоду лишние карты.

Костя посмотрел на друга, поднял вопросительно бровь и по короткому движению головы понял, что не ошибся.

– Я пас. На всём, – Костя демонстративно скинул все свои четыре карты рубашками вверх.

Оставшаяся игра прошла под диктовку Ивана, и он взял весь банк. Опечаленные игроки считали оставшиеся деньги, обдумывая, стоит ли играть дальше.

– Дай мне колоду пересчитать, – сказал один из игроков Ивану.

– Не вопрос. Не веришь? – как ни в чём не бывало ответил Иван, но Костя заметил, как побледнел его друг.

Проходя мимо стола, Костя как будто случайно задел мольберт, и карты упали на пол. Все тут же принялись их собирать.

Иван нашёл лишние карты, но за ним пристально наблюдали. Если вскрыется его мухлёж, то может случиться большая проблема. Придётся вернуть деньги и отвечать за обман.

Костя помогал собирать карты и смотрел на Ивана. Тот заметно нервничал.

– А ну-ка! Пошли на хрен отсюда! – грозный рык потряс крышу. Игроки подняли головы и увидели шестерых молодых мужчин, одетых в белые кимоно.

Один из них стоял, широко расставив ноги, заткнув большие пальцы под коричневый пояс, и смотрел на собирающих карты парней.

– Опять тут притон устроили! – громко и отчётливо повторил каратист. – Быстро собираемся и освобождаем крышу.

– Японец, мы же договаривались, – неожиданное появление спортсменов стало спасением для Ивана, и он, незаметно сунув колоду в карман, вступил с ними в спор.

– Во-первых, с тобой я ни о чём не договаривался. Договоривался я с твоим братом. А во-вторых, он мне обещал, что здесь не будет никакого спиртного.

Японец стоял, не шевелясь, дожидаясь, пока ребята уберут карты, бутылки с пивом и свою «мебель». Костя впервые встретил эту команду и, заинтересовавшись, наблюдал за ними. Японец был очень низкого роста, но невероятно широкий в плечах. Косте показалось, что его высота и ширина одинаковые. Короткая причёска, как вздыбленная шерсть у кошки, сигнализировала об агрессии и готовности вступить в бой в любую секунду.

По всей видимости, он был старшим. Его подопечные, с разными цветами поясов, развешивали верёвки и привязывали принесённые пластиковые «полторашки», наполовину наполненные водой. Через какое-то время вся крыша на высоте среднего человеческого роста была покрыта сетью этих бутылок. Спортсмены достали из принесённого с собой холщового мешка нунчаки и начали тренироваться, ударяя оружием по бутылкам. Японец так и продолжал стоять, широко расставив ноги, дожидаясь, когда картёжники покинут кры-

шу.

Иван и трое его друзей собрали свои вещи и пошли к выходу, а Костя чуть задержался.

– Широко ноги ставишь, – тихо сказал Костя Японцу, остановившись, – прилетит в пах – и бой закончен.

Японец с недоумением посмотрел на Костю, а тот молча проследовал за своими товарищами.

Игру продолжать не стали, трое ушли, а Костя и Иван уселись на дворовой скамейке.

– У меня был пиковый король. Такой же, как в твоей раздаче. Ты его вбросил? – без наезда, но с интересом спросил Костя.

– Чуть не запалился. Я был уверен, что король где-то внизу колоды. – Иван взобрался с ногами на скамейку и сел в позу лотоса. – Еле отмазался. Прокатило.

– Не отмазался, а я тебя отмазал.

– Да, прости. – Иван достал из кармана пачку денег и отдал Косте то, что он ставил на кон.

– Предупреждай в следующий раз. А лучше вообще без меня, – ответил Костя, убирая деньги.

– У меня к тебе дело. Важное, – продолжил Костя, – я нашёл крутую работу, и мне нужна машина. Любая. Если я не найду её до понедельника, то работа уйдёт.

Иван, понимая, к чему клонит Костя, спрятал недосчитанные деньги и молча слушал.

– Денег одолжишь? Или давай вместе купим, а я тебе буду

отдавать часть зарплаты. Потом выкуплю.

Иван повернулся к Косте и покачал головой:

– Извини, не могу. Брат завтра первый взнос должен внести за мотоцикл. Я обещал помочь.

– Ты же целую кучу денег выиграл. Я тебе за два месяца всё верну.

– Да я тут только своё отыграл, да и то не всё. – Иван всплеснул руками, но взгляд от Кости отвёл.

Объяснять тут было нечего. Костя встал со скамейки, потянулся и собрался уходить. Вдруг остановился, вплотную подошёл к Ивану и, чуть наклонившись, медленно и проговаривая каждое слово, сказал:

– Если бы не я, ты бы сейчас не деньги свои собирал, а зубы там, на крыше. – Он хлопнул Ивана по плечу и, не прощаясь, пошёл быстрым шагом в глубину тёмного двора.

На улице он остановил таксиста.

– В «Золотую черепаху». – Не дожидаясь ответа, Костя открыл заднюю дверь и плюхнулся на сиденье новенькой «кореянки».

Через двадцать пять минут автомобиль остановился у небольшого двухэтажного особнячка. Около единственного крыльца собралось несколько человек. Кто-то курил, кто-то просто молча сидел на ступеньках. Охрана позволяла творить что угодно, кроме откровенной бузы и драк.

Костя расплатился и вышел. Знакомые неоновые буквы «Золотая черепаха. Казино. Ресторан. Дискотека» манили

разноцветными огнями, мерцая то ли от нестабильного напряжения, то ли специально, как будто подмигивая всем ищущим удачу в этот вечер. Костя подмигнул неоновой черепашке в ответ.

Народу было немного: три человека играли на рулетке, четверо за покерным столом, а блек-джек пустовал.

Костя окинул взглядом весь зал. Сначала нужно было проникнуться атмосферой, успокоиться, а уже потом начинать играть.

Он подошёл к кассе, чтобы разменять на фишки обязательную тысячу. Охранник в зале знал, что Костя уже не работает в казино, поэтому утвердительно кивнул девушке в кассе, и та выдала две неразменные фишки по пятьсот рублей. Костя ловко подкинул их одновременно в воздухе и не глядя поймал поочерёдно двумя пальцами.

Вдохнув воздух заведения, он как будто пробовал его на вкус, пытаясь понять, будет ли ему сегодня удача. Затем сел в стороне за маленький столик из чёрного лакированного пластика и заказал сотку коньяка и чашку кофе.

Костя не курил, но дым ему нравился. Запах от ароматизированных сигарет распространялся на ближайшие несколько столов. Дама бальзаковского возраста в длинном зелёном платье потягивала мартини и хищно следила за рулеткой, периодически затягиваясь. Она оглядела Костю, подняла бровь и отвернулась, не заинтересовавшись.

Костя пригубил коньяк и тоже стал наблюдать. Если бы

у него спросили, как выглядит капитан дальнего плавания, прожжённый моряк из романов конца девятнадцатого века, он бы в точности описал громилу, сидевшего сейчас за рулеткой. Мужик казался огромным. Круглый рулеточный стул не был виден под ним. Большая голова с нечёсаной чёрной шевелюрой, нестриженная борода и тельняшка вместе с чёрными брюками были колоритны настолько, что крупье не могли оторвать от него взглядов. Массивная золотая цепь в палец толщиной дополняла образ и выдавала состоятельного человека.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.